

Л. Чарская

ИСТОРИИ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Лучшее
детское
чтение

Лучшее детское чтение

Лидия Чарская

Истории для девочек (сборник)

«АСТ»

1901, 1903

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Чарская Л. А.

Истории для девочек (сборник) / Л. А. Чарская — «АСТ», 1901, 1903 — (Лучшее детское чтение)

ISBN 978-5-17-095943-3

В книгу «Истории для девочек» вошли две повести детской писательницы Л. А. Чарской: «Княжна Джаваха» и «Записки институтки». Нина Джаваха и Люда Власовская – две героини этих повестей, у каждой своя непростая судьба: у Нины рано не стало мамы, а у Люды – отца. Им пришлось покинуть отчий дом и переехать в холодные стены института в Санкт-Петербурге. Но мудрая судьба сводит этих девочек в одном классе и крепкая дружба сближает их, а мрачные институтские стены теперь не кажутся такими холодными... Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31-053.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095943-3

© Чарская Л. А., 1901, 1903

© АСТ, 1901, 1903

Содержание

Княжна Джаваха	8
Часть первая	9
Глава I	10
Глава II	17
Глава III	27
Глава IV	33
Глава V	39
Глава VI	49
Глава VII	54
Глава VIII	60
Глава IX	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лидия Чарская

Истории для девочек (сборник)

© Салтыкова Л. А., сокращение, 2017

© Михайлова О. М., сокращение, 2017

© Ил., Власова А. Ю., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Л. Чарская

ИСТОРИИ

ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Княжна Джаваха
В сокращении О. Михайловой

Часть первая На Кавказе

Глава I

Первые воспоминания. Хаджи-Магомет. Черная роза

Я грузинка. Мое имя Нина – княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата. Род князей Джамата – славный род; он известен всему Кавказу, от Риона и Куры до Каспийского моря и Дагестанских гор.

Я родилась в Гори, чудном, улыбающемся Гори, на берегах изумрудной реки Куры.

Гори лежит в самом сердце Грузии, в прелестной долине, со своими развесистыми чинарами, вековыми липами, мохнатыми каштанами и розовыми кустами, наполняющими воздух пряным запахом красных и белых цветов. А кругом Гори – развалины башен и крепостей, армянские и грузинские кладбища, дополняющие картину, отдающую чудесным и таинственным преданием старины...

Вдали белеют перловым туманом могучие, недоступные вершины Кавказа – Эльбрус и Казбек, над которыми парят гигантские серые орлы...

Мои предки – герои, сражавшиеся и павшие за честь и свободу своей родины.

Еще недавно Кавказ дрожал от пушечных выстрелов, и всюду раздавались стоны раненых. Там шла непрерывная война с полудикими горцами, делавшими постоянные набеги на мирных жителей из недр своих недоступных гор.

Во главе горцев стоял храбрый вождь Шамиль, одним движением глаз рассылавший сотни и тысячи своих джигитов в христианские селения... Сколько горя, слез и разорения причиняли эти набеги! Сколько плачущих жен, сестер и матерей было в Грузии...

Но вот явились русские и вместе с нашими воинами покорили Кавказ и страна вздохнула свободно...

Между русскими вождями, смело выступившими на грозный бой с Шамилем, был и мой дед, старый князь Михаил Джаваха, и его сыновья – смелые и храбрые, как горные орлы...

Мое сердце замирало, когда отец рассказывал мне подробности этой ужасной войны.

Я жалела в такие минуты, что не могла скакать с развевающимся в руках белым знаменем среди горсти храбрецов по узким тропинкам Дагестана...

Во мне сказывалась южная, горячая кровь моей матери.

Мама моя была простая джигитка из аула Бестуди... В ауле этом поднялось восстание, и мой отец, молодой офицер был послан с казачьей сотней усмирять его. Там отец и встретил красавицу Марию – дочь старого Хаджи-Магомета. Ее черные очи и горные песни покорили отца, и он увез Марию в Грузию, где находился его полк. Там она приняла христианскую веру, против желания разгневанного старика Магомета, и вышла замуж за русского офицера.

Старый татарин долго не мог простить этого поступка своей дочери...

Я начинаю помнить маму очень рано. Когда я ложилась в кроватку, она присаживалась на край ее и пела песни с печальными словами и грустным мотивом. Она хорошо пела, моя бедная красавица деда¹!

Голос у нее был нежный, будто созданный для таких печальных песен... Да и вся она была такая нежная и тихая, с большими грустными черными глазами и длинными косами. Когда она улыбалась, казалось, улыбалось небо...

---

¹ Деда – мать по-грузински.

Я обожала ее улыбки, как обожала ее песни... Одну из них я отлично помню. В ней говорилось о черной розе, выросшей в одном из ущелий Дагестана... Порывом ветра дикую розу унесло в зеленую долину... И она загрустила и зачахла вдали от своей милой родины... Слабея и умирая, она тихо молила горный ветерок отнести ее привет в горы... Я любила эту песню, потому что ее пела моя красавица мать.

Часто, оборвав песню на полуслове, деда схватывала меня на руки и, прижимая тесно к своей худенькой груди, лепетала сквозь смех и слезы:

– Нина, джаным², любишь ли ты меня?

О, как я любила мою ненаглядную деду!..

---

² Джаным – по-татарски душа, душенька.

Когда я становилась рассудительнее, меня все больше поражала печаль ее прекрасных глаз и тоскливых напевов.

Как-то раз, лежа в своей постельке с закрытыми от подступившей дремоты глазками, я невольно услышала разговор мамы с отцом.

Она смотрела вдаль, на выющуюся, будто черная змея, тропинку, убегающую в горы, и тоскливо шептала:

– Нет, сердце мое, не утешай меня, он не придет!

– Успокойся, моя дорогая, он опоздал сегодня, но он будет у нас, непременно будет, – успокаивал ее отец.

– Нет, нет, Георгий, не утешай меня... Мулла³ его не пустит...

Я поняла, что мои родители говорили о деде Хаджи-Магомете, не желавшем простить свою христианку дочь.

Иногда дед приезжал к нам. Он появлялся всегда внезапно со стороны гор, худой и выносливый, на своем крепком, коне, проведя несколько суток в седле и нисколько не утомляясь длинной дорогой.

Лишь только высокая фигура всадника показывалась вдали, моя мать, оповещенная при-слугой, сбегала с кровли, где мы проводили большую часть нашего времени (привычка, занесенная ею из родительского дома), и спешила встретить его за оградой сада, чтобы, по восточному обычаю, поддержать ему стремя, пока он сходил с коня.

Наш денщик, старый грузин Михако, принимал лошадь, а старик Магомет, едва кивнув головой моей матери, брал меня на руки и нес в дом.

Меня дедушка любил исключительно. Я его тоже, и, несмотря на его суровый вид, я ничуть его не боялась...

Только поздоровавшись с моим отцом, он усаживался с ногами, по восточному обычаю, на пестрой тахте, я вскакивала к нему на колени и, смеясь, рылась в карманах его бешмета⁴, где всегда находились для меня разные вкусные лакомства, привезенные из аула⁵. А в карманах были: засахаренный миндаль, кишмиш⁶ и медовые лепешки, приготовленные Бэллой – младшей сестренкой моей матери.

– Кушай, джаным, кушай, моя горная ласточка, – говорил он, приглаживая рукой мои черные кудри.

И я наедалась досыта этих легких и вкусных лакомств.

Потом, покончив с ними и все еще не сходя с колен деда, я внимательно прислушивалась к тому, что он говорил с моим отцом. А говорил он много и долго... Говорил все об одном: о том, как упрекает и стыдит его при каждой встрече старик мулла за то, что он отдал свою дочь урусу⁷, что допустил ее отречься от веры Аллаха⁸ и спокойно пережил ее поступок. Отец, слушая, крутил только свой длинный черный ус да хмурил тонкие брови.

– Слушай, кунак⁹ Магомет, – вырвалось у него в одну из таких бесед, – тебе нечего беспокоиться за дочь: она счастлива, ей хорошо, наша вера стала ей родной. Да и поправить сделанного нельзя... Не беспокой даром мою княгиню. Видит Бог, она не переставала быть тебе покорной. Передай это мулле, и пусть он меньше заботится о нас да усерднее молится Аллаху.

---

³ *Мулла* – священник мусульман.

⁴ *Бешмет* – род кафтана, обшитого галуном.

⁵ *Аул* – селение горцев.

⁶ *Кишмиш* – изюм.

⁷ Горцы называли русских и грузин, вообще христиан – *урусами*.

⁸ *Аллах* – Бог.

⁹ *Кунак* – друг, приятель.

Боже мой, как вспыхнуло от этих слов лицо деда!.. Он вскочил с тахты... Глаза его метали молнии... Он поднял загоревшийся взор на отца и заговорил быстро и грозно, мешая русские, татарские и грузинские слова:

– Кунак Георгий... ты урус, ты христианин и не поймешь ни нашей веры, ни нашего Аллаха и его пророка... Ты взял жену из нашего аула, не спросясь желания ее отца... Аллах наказывает детей за непокорность родителям... Марием знала это и все же пренебрегла верою отцов и стала твоею женою... Мулла прав, не давая ей своего благословения... Аллах вещает его устами, и люди должны внимать воле Аллаха...

Он говорил долго, не подозревая, что каждое слово прочно западает в головку прижавшейся в уголок тахты маленькой девочки.

А моя бедная деда слушала сурового старика, дрожа всем телом и бросая на моего отца умоляющие взоры. Он не вынес этого немого укора, крепко обнял ее и вышел из дому... Через несколько минут он скакал по тропинке в горы. Я смотрела на удаляющуюся фигуру отца, на стройный силуэт коня и всадника, и вдруг точно что-то толкнуло меня к Хаджи-Магомету.

– Деда! – неожиданно прозвучал среди наступившей тишины мой детский звонкий голос. – Ты злой, деда, я не буду любить тебя, если ты не простишь маму и будешь обижать папу. Возьми назад твои сладости; я не хочу их брать от тебя, если ты не будешь таким же добрым, как папа!

И, недолго думая, я вывернула карманы, куда набрала привезенные дедом лакомства.

– Кто учит ребенка непочтению к старости? – загремел на весь дом голос Хаджи-Магомета.

– Никто не учит меня, деда! – смело крикнула я. – Моя мама, хоть не молится на восток, как ты и Бэлла, но она любит вас, и аул твой она любит, и горы, и скучает без тебя, и молится Богу, когда ты долго не едешь, и ждет тебя на кровле... Ах, деда, ты и не знаешь, как она тебя любит!

Что-то необъяснимое при этих словах промелькнуло в лице старика. Орлиный взор его упал на маму. Вероятно, много муки и любви прочел он в глубине ее черных кротких глаз, – только его собственные глаза заблестели ярко-ярко и словно задернулись набежавшей в них влагой.

– Правда ли, джаным? – прошептал Хаджи-Магомет.

– О батоно!¹⁰ – стоном вырвалось из груди моей матери, и, подавшись вперед гибким станом, она упала к ногам деда, тихо всхлипывая и лепеча одно только слово, в котором выражалась беспредельная любовь: – О батоно, батоно!

Он схватил ее, поднял и прижал к своей груди.

Я не помню, что было дальше... Я понеслась, как бешеная горная лошадка, по тенистым аллеям нашего сада, не в силах удержать порыв счастья, захватившего могучей волной мое детское сердечко...

Я носилась, задыхаясь, плача и смеясь в одно и то же время... Я была счастлива, как никогда...

Успокоившись, я вернулась в комнату и увидела мать, сидящую у ног деда... Его рука лежала на ее чернокудрой голове, и в глазах обоих сияла радость.

Отец, вернувшийся во время моей бешеной скачки по саду, подхватил меня на руки и покрыл мое лицо десятком самых горячих и нежных поцелуев... Он был так счастлив за маму, мой гордый и чудный отец!

Это был лучший день в моей жизни. Это было первое настоящее, сознательное счастье!

Вечером у моей постельки они собрались все трое – отец, мать, дед, и я, соединив их большие руки в моих крошечных кулаках, я заснула под тихий шепот ласкового говора...

Новая, чудесная, мирная жизнь воцарилась под нашей кровлей. Дед Магомет чаще приезжал из аула, один или с Бэллой, моей молоденькой теткой – участницей моих детских игр и проказ.

Но счастье длилось недолго. Прошло несколько месяцев после того блаженного дня, как вдруг моя дорогая мама тяжело заболела и скончалась. Говорят, она зачахла от тоски по родному аулу, который не могла навещать, боясь оскорблений со стороны фанатиков-татар и старого муллы.

---

¹⁰ *Батоно* – господин по-грузински; это слово прибавляют для почтительности.

Весь Гори оплакивал маму... Полк отца, знавший ее и горячо любивший, рыдал, провожая ее худенькое тельце на грузинское кладбище поблизости Гори.

Мне не верилось до последней минуты, что она умирала...

Перед смертью она не сходила с кровли дома, откуда любовалась синеватыми вдали горами и серебристо-зеленой лентой Куры...

– Там Дагестан... там аул... там мои горы... Там отец и Бэлла... – шептала она между приступами кашля, указывая вдаль крошечной, почти детской, из-за болезни, рукой.

Я помню с мучительной ясностью вечер, когда она умирала...

Тахту, на которой она лежала, подняли на кровлю, чтобы она могла полюбоваться горами и небом...

Гори засыпал, обвеянный крылом благоуханной восточной ночи... Спали розы, спали соловьи в рощах, спали руины таинственной крепости, спала Кура в своих берегах, и только, одна смерть бодрствовала, поджидая жертву.

Мама лежала с открытыми глазами, странно блестящими среди наступающей темноты... Точно какой-то свет исходил из этих глаз и освещал ее лицо, обращенное к небу.

Отец и я притихли у ее ног, боясь нарушить покой умирающей, но она сама поманила нас трепещущей рукой, а когда мы склонились к ее лицу, заговорила быстро, но тихо и чуть внятно:

– Я умираю... да, это так... я умираю... но мне не горько, не страшно... Я счастлива... я счастлива тем, что умираю христианкой... О, как хороша она – твоя вера, Георгий, – прибавила она, повернувшись в сторону моего отца, припавшего к ее изголовью, – и я удостоилась ее... Я христианка... я иду к моему Богу... Единственному и Великому... Не плачь, Георгий, береги Нину... я буду смотреть и любоваться вами... а потом... не скоро, да, но все же мы соединимся... Не плачьте... прощайте... до свиданья... Как жаль, что нет отца... Бэллы... Передайте им, что я их люблю... и прощаюсь с ними... Прощай и ты, Георгий, моя радость, спасибо тебе за счастье, которым ты одарил меня... Прощай, свет очей моих... Прощай, моя джаным... моя Нина... моя малюточка... Прощайте оба... не забывайте... черной розы...

Потом она уснула... чтобы никогда больше не просыпаться.

Я задремала, прикорнув щекою к ее руке, и проснулась под утро от ощущения холода на моем лице. Рука мамы сделалась синей и холодной, как мрамор... А у ног ее бился, рыдая, мой бедный, осиротевший отец.

Гори просыпался... Я не могла плакать, хотя ясно сознавала случившееся. Точно ледяные оковы сковали мое сердце...

А внизу по берегу Куры скакал всадник. Он, видимо, торопился в Гори и безжалостно горячил коня. Я узнала в нем деда Магомета... Еще немного – и всадник пропал под горою. Внизу хлопнула калитка... Кто-то по-юношески быстро пробежал лестницу, и в ту же минуту Хаджи-Магомет вошел на кровлю.

Страшен был крик деда Магомета... он потряс, казалось, не только кровлю нашего дома, но и весь Гори, и диким эхом раскатился в горах. Вслед за первым воплем раздался второй и третий... Потом дед внезапно затих и, упав на пол, лежал без движения, широко разметав свои сильные руки.

Теперь только поняла я, как бесконечно дорога была моя мать этому полудикому питомцу горных аулов... Вряд ли подозревала она когда-нибудь о силе этой молчаливой отцовской привязанности, вряд ли понимала она своего сурового фанатика-отца!

Увы, но теперь ни понимать, ни чувствовать она уже не могла. Перед нами было тело той, которая еще так недавно пела свои чудесные песни, полные восточной грусти, и смеялась тихим, печальным смехом.

Она умерла – моя красавица деда! Черная роза обрела свою родину... Ее душа возвратилась в горы...

Глава II

Бабушка. Отец. Последний отпрыск славного рода

Деды не стало... На горийском кладбище прибавилась еще одна могила... В доме наступила тишина, зловещая и жуткая. Отец заперся в своей комнате и не выходил оттуда. Дед ускорил в горы... Я бродила по тенистым аллеям нашего сада и думала о моей матери, улетевающей в небо... Михако пробовал меня развлечь... Он принес откуда-то орленка со сломанным крылом и поминутно обращал на него мое внимание:

– Княжна, матушка, глянь-ка, пищит!

Орленок, действительно, пищал, изнывая в неволе, и своим писком еще более растревлял мое сердце. «Вот и у него нет матери, – думалось мне, – и он, как я!»

И мне становилось нестерпимо грустно.

– Михако, голубчик, отнеси орленка в горы, может быть, он найдет свою деду, – упрашивала я старого казака.

Наконец отец вышел из своей комнаты. Он был бледен и худ, так худ, что военный длиннополюй бешмет висел на нем, как на вешалке. Увидя меня, с печальным лицом бродившую по чинаровой аллее, он подозвал меня к себе, прижал к груди и шепнул тихо, тихо:

– Нина, чеми патара сакварело!¹¹

---

¹¹ Чеми патара сакварело – Моя возлюбленная малютка по-грузински.

Голос у него был полон слез, как у покойной деды, когда она пела свои печальные горные песни.

– Сакварело, – прошептал еще раз отец и покрыв мое лицо поцелуями. В тяжелые минуты он всегда говорил по-грузински, хотя всю свою жизнь находился между русскими.

– Папа, милый, бесценный папа! – ответила я ему и в первый раз со дня кончины мамы тяжело и горько разрыдалась.

Отец поднял меня на руки и, прижимая к сердцу, говорил мне ласковые и нежные слова, которыми умеет дарить чудесный Восток!

Я ласкалась к отцу, и сердце мое уже не разрывалось тоскою по покойной маме, – оно было полно тихой грусти... Я плакала, но уже не острыми и больными слезами, а какими-то тоскливыми и сладкими, облегчающими мою наболевшую детскую душу...

Потом отец кликнул Миако и велел седлать своего Шалого. Я боялась поверить своему счастью: моя заветная мечта побывать с отцом в горах осуществлялась.

Это была чудная ночь!

Мы ехали с ним в одном седле на спине самой быстрой и нервной лошади в Гори, понимавшей своего господина по одному слабому движению повода...

Вдали синими силуэтами виднелись горы, внизу бежала засыпающая Кура... Из ущелий поднималась седая дымка тумана, и точно вся природа курила нежный фимиам подкрадывавшейся ночи.

– Отец! Как хорошо все это! – воскликнула я, заглядывая ему в глаза.

– Хорошо, – тихим, точно чужим, голосом ответил он.

И, взглядевшись пристальнее в его черные, ярко горящие зрачки, я заметила в них две крупные слезы. Должно быть, он вспомнил деду.

– Папа, – тихо произнесла я, как бы боясь нарушить чарующее впечатление ночи, – мы часто будем так ездить с тобою?

– Часто, голубка, часто, моя крошка, – поторопился он ответить и отвернулся, чтобы смахнуть непрошеные слезы.

В первый раз со дня кончины мамы я почувствовала себя счастливой. Мы ехали по тропинке, между рядами невысоких гор, в тихой долине Куры... А по берегам реки вырастали в сгущающихся сумерках развалины замков и башен, носивших в себе печать грозных времен.

Но теперь полуразрушенные бойницы не представляли никакой опасности. Глядя на них, я слушала рассказ отца о печальных временах, когда Грузия стонала под игом турок и персов... И мне хотелось совершать подвиги, да такие, от которых бы ахнули самые смелые джигиты¹² Закавказья...

К рассвету мы вернулись домой... С соседней крыши минарета¹³ мулла кричал свою утреннюю молитву... Полусонную снял меня с седла Миако и отнес к Барбале – старой грузинке, жившей в доме отца уже много лет.

Этой ночи я никогда не забуду... После нее я горячо привязалась к отцу, которого до этого немного чуждалась...

Ежедневно я ждала его возвращения из станицы, чтобы проехать немного времени на Шалом под отцовским надзором. Но какова была моя радость, когда однажды я получила Шалого в мое постоянное владение! Я целовала умную морду лошади, смотрела в ее выразительные глаза и называла ее самыми ласковыми именами. А Шалый, казалось, понимал меня.

Теперь каждое мое утро начиналось с прогулки по горным тропинкам и низменным берегам Куры в окрестностях Гори. Бывало, что я проезжала и через городской базар. Гордо восседая на коне, в моем алом атласном бешмете и белой папахе, я была похожа скорее на маленького джигита, чем на княжну из аристократического рода.

И торгоши армяне, и хорошенькие грузинки, и маленькие татарчата – разиня рот, смотрели на меня, удивляясь моему бесстрашию. Многие из них знали моего отца.

– Здравствуй, княжна Нина Джавах, – кивали они головами и хвалили, к огромному моему удовольствию, и коня, и всадницу.

---

¹² Джигиты – рыцари-горцы.

¹³ Минарет – башенка на мусульманской мечети.

Но вот где я чувствовала себя госпожой, так это на горных тропинках и зеленых долинах, которые манили меня куда больше городских улиц. Выпуская поводья и цепляясь за черную гриву моего вороного, я неслась на шалом, тем бешеным галопом, от которого захватывало дух и билось сердце. Я представляла себя могущественной амазонкой, за которой гонятся полчища неприятелей.

— Айда! Айда!¹⁴ — понукала я лихого коня, и он ускорял шаг, пугая мирно бродивших по улицам предместий поросят и барашков.

¹⁴ *Айда* — вперед на языке горцев.

– Дели-акыз!¹⁵ – кричали маленькие татарчата, разбегаясь в стороны, как стадо козлят, при моем приближении к их аулу.

– Шайтан девчонка!¹⁶ – твердили старухи, сердито грозя мне высохшими пальцами.

И любо мне было дразнить старух, пугать ребят и нестись вперед по бесконечной долине.

Как-то раз, возвращаясь с одной из таких прогулок, я увидела на нашем дворе коляску, запряженную парой чудесных белых лошадей, с крытой арбой¹⁷ в которой лежали сундуки, узлы и чемоданы. У арбы прохаживался старый седой горец с огромными усами и помогал какой-то женщине, тоже старой и сморщенной, снимать узлы и втаскивать их на крыльцо нашего дома.

– Михако, – звонко крикнула я, – что это за люди?

Седой горец и сморщенная старушка посмотрели на меня с чуть заметным насмешливым удивлением.

Потом женщина подошла ко мне и, прикрываясь слегка чадрой¹⁸ от солнца, сказала по-грузински:

– Будь здорова в твоём доме, маленькая княжна.

– Спасибо. Будь гостьей, – ответила я по грузинскому обычаю и перенесла удивленный взгляд на седого горца, лошадей и коляску.

Заметив мое изумление, женщина сказала:

– Эти лошади и это имущество – все принадлежит вашей бабушке, княгине Елене Борисовне Джаваха-оглы-Джамата, а мы ее слуги.

– А где же она, бабушка? – вырвалось у меня скорее удивленно, нежели радостно.

– Княгиня там. – И женщина указала по направлению дома.

---

¹⁵ *Дели-акыз* – сумасшедшая девчонка по-татарски.

¹⁶ *Шайтан* – дьявол по-татарски.

¹⁷ *Арба* – местный грузинский экипаж (телега).

¹⁸ *Чадра* – покрывало, женский убор на Востоке.

Я мигом бросила поводья подоспевшему Михако, соскочив с Шалого, и ураганом ворвалась в комнату, где сидел мой отец в обществе высокой и величественной старухи с седой головой и орлиным взором.

При моем появлении высокая женщина встала с тахты и смерила меня долгим и пронизательным взглядом. Потом она обратилась к моему отцу с вопросом:

– Это и есть моя внучка, княжна Нина Джаваха?

– Да, мамаша, это моя Нина, – поспешил ответить отец, награждая меня восхищенным и ласковым взглядом.

Но, очевидно, старая княгиня не разделяла его чувства.

В моем алом, нарядном, но не совсем чистом бешмете, в голубых, тоже не особенно свежих шальварах¹⁹, с белой папахой, сбившейся набок, с пылающим, загорелым лицом, задорно-смелыми глазами, с черными кудрями, в беспорядке разбросанными вдоль спины, я, действительно, мало походила на благовоспитанную барышню, какую меня, видимо, представляла бабушка.

– Да ведь она совсем, как дикая джигитка, Георгий! – проговорила она.

Но я видела по лицу отца, что он не согласен с бабушкой... Чуть заметная добрая усмешка шевельнула его губы под черными усами – усмешка, которую я у него обожала, и он совсем серьезно спросил:

– А разве это дурно?

– Да, да, надо заняться ее воспитанием, – укоризненно произнесла бабушка, – а то это какой-то мальчишка-горец!

Я вздрогнула от удовольствия, ведь лучшей похвалы старая княгиня не могла мне и сделать. Храбрость, выносливость и бесстрашие горцев приводили меня в восторг и я тайно подражала им. Теперь невидимая стена между мною и бабушкой рухнула, я готова была уже полюбить ее. Поэтому с криком «айда», я крепко обняла ее. Вероятно, мой поступок бабушка расценила как неблагопристойный и вслед за этим раздался пронзительный и визгливый голос бабушки:

– Вай-вай! Что это за ребенок, да уйми же ты ее, Георгий!

Едва сдерживая улыбку, отец оторвал меня от старухи и стал выговаривать за мою необузданную радость.

Но я видела, что глаза его смеялись и что вместо выговора он хочет крикнуть мне: «Нина джаным, молодчина-горец! Джигит!» Этим возгласом он всегда поощрял все мои лихие выходки.

Между тем бабушка торопливо приводила в порядок свои седые букли и говорила сердитым голосом:

– Нет, нет, так нельзя, Георгий, ты растишь маленького бесенка... Что из нее выйдет, ведает Бог! Такое воспитание немыслимо. Она ведь княжна старинного знатного рода!.. Наши предки ведут свое начало от самого Богдана IV! Мы царской крови, Георгий, и ты не должен забывать этого. Твой отец был обласкан Государем, я имела честь представляться Императрице, ты получил свое воспитание между лучшими русскими и грузинскими юношами, и только в силу своего упрямства ты зарылся здесь, в глуши, и не едешь в северную столицу. Мария Джаваха скончалась, – помяни Господь ее душу, – ее происхождение простой джигитки могло повредить тебе и помешать быть на виду, но теперь, когда она мирно спит под крестом, странно и дико не пользоваться дарами, данными тебе Богом. Я приехала, сын мой, напомнить тебе об этом.

Я взглянула на бабушку. У нее было сердитое и важное лицо. Потом я встретила мрачный и суровый взгляд отца, каким я не раз видела его во время гнева. Напоминание о моей покойной деде со стороны ее врага (бабушка не хотела видеть моей матери и никогда не бывала у нас при ее жизни) рассердило его.

– Матушка, – проговорил он, – если вы приехали для того, чтобы враждебно говорить о моей бедной Марии, – лучше было бы нам не встречаться!

И отец сильно задергал концы своих черных усов, что делал лишь в минуты большого волнения.

– Успокойся, Георгий, – взволновалась старуха, – я ничем не обижу памяти покойной Марии, но она была бы плохой воспитательницей для Нины... Дочь аула, дитя гор, разве она сумела бы сделать из Нины благовоспитанную барышню?

---

¹⁹ Шальвары – шаровары.

Отец молчал. Замолкла и бабушка, довольная впечатлением, произведенным ее последними словами.

В эту минуту взгляд мой нечаянно упал через раскрытую дверь в соседнюю комнату. Там на тахте лежал мальчик одних лет со мною, но ростом гораздо меньше меня и, кроме того, бледнее и воздушнее.

Старая служанка-грузинка вместо снятых сапожек, надевала на его слабые ноги лакированные туфли с пряжками, каких я еще не видывала у нас в Гори. Он вошел в зал, где мы находились, и остановился у двери, точно сошедший со старинной картины.

Я успела рассмотреть не только его пышные белокурые волосы, но и некрасивый, длинный, крючковатый нос и маленькие, узкие, как у полевого мышонка, черные глазки.

– Кто это? – бесцеремонно указывая на крошечного незнакомца пальцем, спросила я.

– Это твой двоюродный брат, князь Юлико Джаваха-оглы-Джамата, последний отпрыск славного рода, – с гордостью проговорила бабушка. – Познакомьтесь, дети, и будьте друзьями. Вы оба сироты, хотя ты, Нина, счастливее княжича... У него нет ни отца, ни матери...

Последние слова бабушки звучали с некоторым ехидством.

– Здравствуй! – просто подошла я приветствовать моего двоюродного брата.

Он смерил меня любопытно-величавым взглядом и нерешительно протянул свою бледную и худую руку, утопающую в кружеве великолепных манжет. Очевидно, мой рваный бешмет и запачканные лошадиным потом и пылью шальвары производили на него неприятное впечатление.

Наконец я догадалась пожать его худенькие, сухие пальцы.

Тогда он спросил:

– Вы девочка? – И скользнул недоумевающим взглядом по моим шальварам и папаче.

Я громко расхохоталась...

– Бабушка говорила мне, – продолжал так же невозмутимо маленький гость, – что я найду здесь кузину-княжну, но ничего не упоминала о маленьком брате.

Я захохотала еще громче; его наивность приводила меня в восторг, и к тому же я радовалась его бессознательной похвале – ведь он принял меня за мальчика!

Бабушка и отец тоже рассмеялись.

– Пойдемте в сад! – успокоившись, предложила я маленькому князю и, не дожидаясь его согласия, повела его за собой.

Он беспрекословно повиновался и, не вынимая своих аристократических пальчиков из моей черной от загара, не по годам сильной руки, последовал за мною.

Я долго водила его по тенистым аллеям, показывая выведенные мною розы, потом повела в оранжерею за домом и угощала персиками... Он рассматривал все равнодушно-спокойными глазами, но от фруктов отказался, говоря, что у него больной желудок. Я, никогда ничем не болевшая и наедавшаяся персиками и дынями до отвала, с жалостным презрением посмотрела на него.

Мальчик с больным желудком! Что может быть печальнее?

Но мое презрение еще больше увеличилось, когда Юлико задрожал при виде ковылявшего по аллее навстречу нам орленка.

– Господи! Откуда это страшилище? – почти со слезами вскрикнул он и спрятался за мою спину.

– Да он не кусается, – поторопилась я его успокоить, – это Казбек, ручной орленок, выпавший из гнезда и принесенный мне папиным денщиком. Не бойся. Можешь его погладить. Он не клонет.

Но Юлико по-прежнему дрожал и боялся.

Тогда я подхватила Казбека на руки и прижала к своей щеке его маленькую голову с громадным клювом.

– Ну вот видишь, он не тронул меня, и ты можешь его приласкать, – урезонивала я моего двоюродного брата.

– Ах, оставьте вы эту скверную птицу! – вдруг пискливо крикнул он, готовый вот-вот расплакаться.

– Скверную? – вспыхнула я. – Скверную? Да как ты смеешь оскорблять моего Казбека?... Да сам ты... если хочешь знать... скверный цыпленок...

Юный князь не обратил внимания на нелестное название, данное ему. Он только поежился немного и, нахохлившись, выступал подле меня своими тонкими и кривыми ножками.

Мы поднялись на гору, возвышавшуюся за нашим садом, на которой раскинулась полуразрушенная древняя крепость.

С другой стороны, уступом ниже, лежало кладбище, на самом краю которого виднелся столетний кипарис, охраняющий развесистыми ветвями могилу мамы. Заросший розовым кустом могильный холмик виднелся издалека...

– Там лежит моя деда! – тихо произнесла я и протянула руку по направлению кладбища.

– Ваша мама была простая горянка; ее взяли прямо из аула... – послышался надменный голосок моего кузена.

– Ну что ж из этого? – вызывающе крикнула я.

– Ничего. А вот моя мама принадлежала к богатому графскому роду, который всегда был близок к престолу Белого царя, – с торжественной важностью пояснил Юлико.

– Ну и что ж из этого? – еще более вызывающе повторила я.

– А то, что это большое счастье иметь такую маму, которая меня могла выучить хорошим манерам, – продолжал Юлико, – а то я бы бегал по горам таким же грязным маленьким чеченцем²⁰ и имел бы такие же черные, осетинские руки, как и у моей кузины.

Его крохотные глазки совсем сузились от насмешливой улыбки, а руки, с тщательно отполированными розовыми ногтями, небрежно указывали на мою запачканную одежду.

Это было уже слишком! Чаша переполнилась. Я вспыхнула и, подойдя в упор к Юлико, прокричала:

– Хотя твоя мать была графиня, а моя деда – простая джигитка из аула Бестуди, но ты не сделался от этого умнее меня, дрянная, безжизненная кукла!..

Едва владея собой, я с силой трясла его хрупкую руку, продолжала кричать так, что слышно было в целом Гори:

– И если ты еще раз осмелишься так говорить о моей деде, я тебя сброшу в Куру с этого уступа... или... или дам заклевать моему Казбеку! Слышишь ты?!

Вероятно, я была страшна в эту минуту, потому что Юлико заревел, как дикий тур горного Дагестана.

В этот день я, по настоянию бабушки-княжны, была в первый раз в жизни оставлена без сладкого. Вечером же я ревела от горя, предчувствуя скорое лишение, такой нужной мне, свободы.

– Барбале, о Барбале, зачем они приехали? – рыдала я, зарывая голову в грязный передник старой служанки.

– Успокойся, княжна-козочка, успокойся, джаным-светик, ни одна роза не расцветет без воли Господа, – успокаивала меня добрая грузинка.

– Лучше бы они не приезжали – ни бабушка, ни этот трусишка! – продолжала я жаловаться.

– Тише, тише, – пугливо озиралась она, – услышит батано-князь, плохо будет: прогонят старую Барбале. Тише, ненаглядная джаным! Пойдем-ка лучше слушать соловьев!

Но соловьев я слушать не хотела и, не желая подводить своими слезами Барбале, я пошла в конюшню, где тихим, ласковым ржанием встретил меня мой верный Шалый.

– Милый Шалый... светик мой... звезда очей моих, – перешла я на мой родной язык, богатый причитаниями, – зачем они приехали? Кончатся теперь наши красные дни... Не позволят нам с тобой скакать, Шалый, и пугать татарчат и армянок. Закатилось наше солнышко красное!

И я припадала головой к шее моего вороного и, цепляясь за его гриву, целовала его и плакала навзрыд, как только умеет плакать одиннадцатилетняя девочка. Шалый, казалось, понимал мое горе: он махал хвостом, тряс гривой и смотрел на меня добрыми глазами...

---

²⁰ Чеченец – горец.

Глава III

Два героя. Абрек. Моя фантазия

Бабушка с Юлико приехали, кажется, навсегда. Бабушка поселилась в, дорогих моему сердцу, комнатах мамы. Туда я входила со смерти деда не иначе как с чувством сладкой тоски, а теперь они стали мне ненавистными. Каждое утро я и Юлико отправлялись туда, чтобы приветствовать бабушку с добрым утром. Она целовала нас в лоб и потом отпускала играть.

Из Гори приходила русская учительница, дававшая мне и Юлико уроки. Мой кузен оказывался куда умнее. Но я не завидовала: мне это было безразлично, так как я потеряла бесценные дни на Шалом, мою свободу...

С бабушкой приехало пять человек прислуги. Седой горец, как я узнала, был нукер²¹ покойного деда и провел вместе с ним не один поход. Родом из Кабарды и бывший чем-то между дворецким и конторщиком в доме бабушки, он сразу удостоился моего расположения. Теперь папин слуга Михако и горец постоянно спорили о вероисповедании, храбрости, выносливости грузин и горцев. Михако знал, что старый нукер был родом из мюридов²², но, увлеченный львиною храбростью моего деда и образцовыми правилами русских солдат, на глазах самого Шамиля предался русским. После этого он сопровождал деда во всех его походах и был не раз отличен самим главнокомандующим, князем Барятинским. Я любила до безумия рассказы старого Брагима и с этою целью не раз подговаривала Михако подзадорить нукера.

– А что, батоно, – начинал Михако, лукаво подмигивая мне глазом, – ведь, слышно, ваш Шамиль большой хвастун был?

– Нет, ага²³ (они во время самых горячих споров иначе не величали друг друга), не говори так: Шамиль был великий вождь и не было такого другого вождя у мюридов.

– Да что же он сам-то усыкал свой народ, травил его исламом, а как попался, так сам же с повинной пришел к нашему вождю. Ведь небось не бросился в пропасть, как в плен его взяли? Нет, привел-таки своих жен, и сыновей, и внуков и сдал их на русское милосердие.

– Не говори, ага, того, чего не знаешь, – сурово останавливал Брагим. – Наши долго бились... долго осаждали... Непрístupное то было гнездо... На самой вершине гор засел вождь мюридов... В этой борьбе убили моего князя-орла... А мы все шли, все поднимались... В то время два ангела бились в небесах у Аллаха, белый и черный... Белый победил... и сбросил черного в бездну... Задрожали горы, а с ними и гнездо великого Шамиля. И понял гордый

---

²¹ *Нукер* – слуга.

²² *Мюриды* – воины, окружавшие Шамиля.

²³ *Ага* – господин по-горски.

старец волю Аллаха, и открыл ворота крепости, и вывел жен и детей своих... Я был рядом, за камнем белого вождя. Я видел, как белый вождь принял из рук Шамиля его саблю... кривую, длинную, изрубившую на своем веку немало урусов.

– Вот то-то и скверно, что он отдал саблю, батоно, лучше бы он себя самого этой саблей, – и Михако хладнокровно показывал рукой воображаемое движение сабли вокруг своей шеи.

Брагим недовольно крутил бритой головою. Он не одобрял втайне поступка Шамиля, но не хотел предавать своего бывшего вождя на суд уруса-грузина.

– Скажи, батоно, – начинал снова Михако, дав немного остыть старому нукеру от его воинского задора, – кто, по-твоему, скорее в рай попадет: наши или ваши?

– Аллах не делит людей на племена... У него только светлые и темные духи.

– А воины, мюридские или урусы, наследуют землю Магомета?

– Все храбрые, без различия племен и сословий: и уздени²⁴, и беки²⁵, и вожди, и простые джигиты, все они одинаково дороги Магомету, – отвечал невозмутимо старик.

Я до страсти любила такие разговоры, особенно когда Брагим воодушевлялся и раскрывал передо мною дивные и страшные картины боя, в далеких горных теснинах, среди стремнин и обрывов, под дикий шум горных потоков.

Счастливцев Брагим видел, как разрушили гнездо кавказского орла, как затем белый и темный вождь долго смотрели друг другу в очи... Тысячи русских и столько же горцев ждали решения. И тогда Белый Царь обещал милость пленному кавказскому орлу. Счастливцев Брагим видел все это! О, как же я ему завидовала!..

Кроме Брагима с бабушкой приехала еще старая горничная, приветствовавшая меня в саду в первый день приезда. Ее звали Анной. С нею был ее внук Андро, маленький слабоумный камердинер Юлико, еще девушка Родам, взятая в помощь Анне, и молодой кучер, наездник – быстроглазый горец Абрек.

Отца я за это время видела мало – он целые дни проводил в полку, где начиналась усиленная стрельба.

Прежде, бывало, я поджидала его за садом у спуска к берегу Куры, но бабушка нашла неприличными мои одинокие прогулки, и они постепенно прекратились. С Шалым, к счастью, я могла не расставаться. Только теперь вместо Михако, который терпеть не мог моих поездок, за мною постоянно ездил Абрек или блаженный Андро. Абрек умел и любил ездить. Он показывал мне такие места в окрестностях Гори, о существовании которых я не догадывалась.

– Откуда ты все это знаешь, Абрек? – удивлялась я. – Ведь ты не был ни в Алозани, ни в Кахетии.

– Иок²⁶, – смеялся он в ответ, – иок! Не был.

– Откуда же ты знаешь? – приставала я.

– Абрек все знает. От моря до моря все знает. – И он прищелкивал языком и улыбался еще шире, отчего лицо его получало хищное и лукавое выражение.

В нем было что-то лживое, но я любила его за отчаянную храбрость, за то, что он всюду поспевал, как птица, на своем быстроногом коне.

Шутя, он выучил меня джигитовке и, когда я на всем скаку поднимала воткнутый в землю дагестанский кинжалик, он одобрительно кивал головой и кричал мне:

– Хорошо! Молодец! Джигит будешь!

Я дорожила этими похвалами и гордилась ими. Абрек был в моем понятии настоящим типом молодца-джигита. Вскоре я ничуть не уступала в ловкости своему учителю.

– Абрек! – кричала я в восторге от новой ловкой проделки. – Где ты выучился этому?

---

²⁴ *Узде́нь* – дворянин.

²⁵ *Бе́ки* – князья.

²⁶ *Иок* – нет по-горски.

Он только смеялся в ответ.

– Горец должен быть ловким и смелым, а не то это будет баба-осетинка²⁷, либо... – и тут он значительно подмигивал, – либо княжич Юлико.

Хорошо, что этого не слышала бабушка, после таких слов, она и дня не продержала бы Абрека под своей кровлей.

С Юлико у меня установились неприязненные отношения. Я не могла выносить его надменного вида, его женственно-нарядных костюмов, его «по-девчонски» причесанной кудрявой головы.

---

²⁷ *Осетины* – презираемое между горцами племя.

«О, этот уж не будет никогда джигитом!» – тайно злорадствовала я, встречая его на прогулке в саду, и прибавляла вслух, смеясь ему в лицо:

– Княжич Юлико! А где же твои няньки?

Он злился и бежал жаловаться бабушке. Меня оставляли в наказание без пирожного, но это не огорчало меня, и на следующий день я выдумывала новые способы раздражить моего двоюродного брата.

– Что с тобой, Нина? – как-то раз серьезно и строго спросил меня отец, застав меня и Юлико в самом горячем споре. – Что с тобой, я не узнаю тебя! Ты забываешь обычай своей

родины и оскорбляешь гостя в своем доме! Нехорошо, Нина! Что бы сказала твоя мама, если б видела тебя такою?

– О папа! – могла только выговорить я, задыхаясь от сухих рыданий, надрывавших мою грудь, и бросилась бежать со всех ног, чтобы не дать торжествовать Юлико.

– Барбале, я не могу, я не могу больше, – задыхаясь, говорила я моей поверенной, – я убегу отсюда, Барбале.

– Что ты? Христос и святая Нина, твоя покровительница, да будут над тобою! – шептала старуха и крестила меня своей заскорузлой рукою.

– Да ты понимаешь ли, что они внесли сюда горе, раздор и злобу! Ведь они сделали меня такою! Разве я похожа на прежнюю княжну Нину!

– Эх, княжна-джаным, у всякого свое горе! – тяжело вздыхала Барбале.

Я понимала ее молчаливую тоску. Дело в том, что с приездом бабушки все заботы по дому и хозяйству перешли к Анне, горничной моей бабушки. Я видела, как осунулась Барбале и уже не отходила от плиты, боясь потерять свои последние хозяйственные обязанности.

– Бедная Барбале! Бедная старушка! – растроганно говорила я, глядя с любовью ее загорелые щеки.

– Бедная княжна, бедная джаным! Бедная сиротка! – вторила мне она, и мы обнимались крепко и горячо, как родные.

Как-то раз бабушка, всевидящая и вездесущая, услышала наши жалобы и прислала за мною Родам.

– Пожалуйте, княжна, княгиня просит, – лукаво улыбаясь, объявила мне она.

Я передернула плечами (эту привычку я переняла от отца) и стала медленно подниматься в комнаты бабушки. Она меня встретила, красная, как пион, и, измерив всю меня враждебным взглядом, визгливо закричала:

– Так вот оно что, внучка! Вы бегаετε жаловаться на меня судомойкам и кухаркам... на меня – вашу бабушку, желающую вам только добра и пользы! Чем я вам не угодила, позвольте спросить? Тем ли, что я прилагаю все мои старания, чтобы из скверного, необузданного мальчишки сделать приличную барышню?... Юлико сказал мне, что ты продолжаешь дразнить его! Предупреждаю, если ты не оставишь эту скверную привычку, я отниму у тебя лошадь и велю запрягать ее в фаятон, а ты будешь сидеть до тех пор дома, пока осенью я не отвезу тебя в институт!

Слова бабушки как громом меня поразили... Институт... возможность потерять Шалого... и вечные жалобы противного Юлико...

– Нет... нет... ни за что не расстанусь с Шалым и не поеду в институт... Ведь не повезут же меня туда связанную, в самом деле! А Юлико я никогда не перестану изводить...

В голове моей зрели планы, как бы досадить ненавистному мальчишке. Из комнаты я вышла шатаясь. Мне живо представилась такая картина, будто я – могущественная из коро-

лев, веду непримиримую войну с моим родственником, королем Юлико. Мы бьемся долго и, конечно, мои воины одерживают победу, а пленник-король стоит передо мною, со связанными за спиной руками в ожидании смерти...

– Король Юлико, знаете ли вы, что будет с вами?

Он бледнеет, ноги его дрожат и подкашиваются... Падая на колени, он униженно молит о пощаде.

– Вы должны умереть, ваше величество, – говорю я.

Он поднимает ко мне бледное и прекрасное лицо... Я читаю в его лице смертельный ужас.

Тогда я сзываю моих воинов звуком серебряного рога, какой бывает только у героев и вождей, и объявляю:

– Я, ваша королева, прошу у вас милости для этого царственного пленника... Я отдаю вам за его жизнь все мои сокровища! Вы должны, вопреки обычаю предков, пощадить его!

И вожди и воины, пораженные моим великодушием, высоко поднимают меня на щите, как это делалось у древних народов, и молодой пленный король склоняется к моим ногам, целуя мои одежды.

– Вот как я тебе отомстила, Юлико! – кричу я ему, забыв о том, что это всего лишь мечта, и по чинаровой аллее.

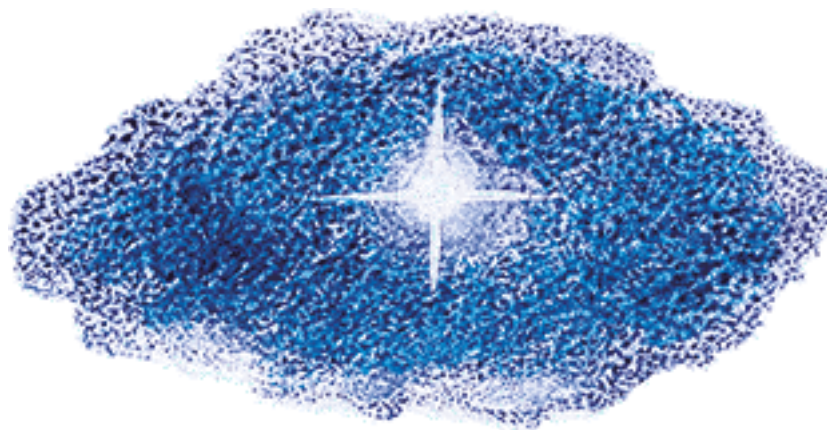
Мои щеки горят... Но тут я натываюсь на Абрека, седлающего Шалого...

– Скорей, едем, Абрек! – кричу я в исступлении.

Но тут я замечаю ненавистную маленькую фигуру в тени каштана, я бросаю новое оскорбление Юлико, не королю воображаемой сказки, а настоящему Юлико с длинным носом и мышинными глазками:

– Слушай, князь-девчонка, если ты еще раз осмелишься сплетничать на меня бабушке, то я затопчу тебя копытами моего Шалого! Слышишь?

И вихрем уношусь в горы...

Глава IV

Бэлла. Неожиданная радость

– Нина! Княжна-джаным! Сердце мое!

– Бэлла, радость!

– Золотая Нина!

– Бэлла! Бэллочка! Драгоценная!

У ворот нашего сада стояли две чистокровные горные лошадки и два джигита в праздничных нарядах. В одном я узнала дедушку Магомета; другой, молоденький, быстроглазый, оказался моей хорошенькой теткой, сестрой покойной деды, Бэллой, дочерью Хаджи-Маго-

мет-Брека с которой теперь мы так тепло беседовали. Хотя моя тетка была старше меня, но мы были с нею закадычными друзьями.

– Золотая моя джаным, хорошенькая, изумрудная моя, яхонтовая... – тянула она своим певучим голоском, и смеялась, и целовала меня, и звенела запястьями под голубым, золотом шитым бешметом.

– А мы ехали... долго... ехали... все горами... горами... останавливались только у духов²⁸, а ночевали в аулах... – рассказывала она.

– Как же ты без чадры, Бэлла? – удивилась я, зная, что дед Магомет строго придерживается обычаев горцев.

---

²⁸ *Духайн* – кабачок, харчевня.

– Тсс! – лукаво погрозила она пальцем и покосилась на отца, дружески обнимающегося с подросшим папой. – Чадра под бешметом... Здесь урусы, а ваши женщины не прячутся под чадрую... Я в гостях у урусов.

– Молодец, Бэлла! Ай да дикая козочка, – рассмеялся мой отец и повел дорогих гостей к дому.

– А у нас новость, – шепотом сообщала я моему другу. – Приехала чужая бабушка... такая важная и сердитая... А с нею брат... двоюродный... Такой кудрявый... вот увидишь, и злющий, как голодный волчонок.

– Голодный волчонок! – подхватила Бэлла и громко, раскатисто рассмеялась.

На крыльце неожиданных гостей встретила бабушка со своим неизменным Юлико.

– Здравствуй, Хаджи-Магомет, добро пожаловать, – насколько могла любезнее, приветствовала она деда, своего давнишнего врага.

– Здравствуй, княгиня, – сурово, без улыбки ответил старик, не любивший ее за чрезвычайную кичливость.

– Здравствуй, госпожа! – прозвучал звонко голосок Бэллы.

– Эта хорошенькая девушка – твоя дочь, ага Магомет? – обратилась бабушка к гостю.

Тот молча кивнул головою.

– Ты счастлив должен быть, ага, имея такую прекрасную дочь!.. – желая довершить любезность, продолжала бабушка.

– Будь благословенна Аллахом, госпожа, за твою доброту, – сурово произнес старик и остановил ласковый и грустный взгляд на дочери. – У меня была и другая дочь, такая же прекрасная и добрая, но волею Аллаха она в раю...

Всем стало грустно... Всем вспомнилась моя милая, незабвенная красавица мать.

– А вот это внук мой, княжич Юлико, – не без тайной гордости произнесла бабушка, выдвигая вперед своего любимца.

И вдруг веселое личико моей молоденькой тетки сморщилось от смеха. Она без церемонии трогала пальцами бархатный костюмчик моего кузена, его отложной воротничок, его длинные, как у девочки, кудри и хохотала до упаду.

– Косы девушки... шальвары мальчика... ай да джигит! – кричала она, не стесняясь, между бешеными приступами хохота.

Мы с отцом не могли не улыбнуться, смотря на эту веселую и живую дикарку.

– Перестань, Бэлла! – строго прикрикнул дед, видя, что старая княгиня начинает краснеть.

Смех прекратился, но Бэлла долго не могла успокоиться. Много позднее она сообщила мне цель своего визита:

– Знаешь, зачем я приехала? Джанночка, светик мой! – говорила мне она, увлекая меня на наше любимое место – под ветви старой густолиственной чинары, и продолжала, не дожидаясь ответа: – Ведь Бэлла, не простая Бэлла счастливая... Бэлла замуж идет за узденя... за богатого... и табун будет... и стадо будет... и золото... все!

– Бэллочка! – воскликнула я в ужасе. – Ты замуж! Да ведь ты маленькая!

– Маленькая!.. – засмеялась она неудержимым смехом. – Так что ж? Мне лет много... Еще весна... и еще весна... и еще... три весны и еще... и Бэлла – старуха... и никто не женится на Бэлле... даже самый старый пастух...

– Да как же, Бэллочка, я-то? – чуть не с плачем вырвалось у меня.

– У-у, глупая джанночка! Ты моя подруга будешь, самая близкая... Сестра будешь... На свадьбе моей лезгинку плясать будешь. У-у, красавица моя, лань быстроглазая! Душечка!

Мне ужасно странным казалось, что крошка Бэлла, семнадцатилетняя девушка, подруга моих детских игр, сорванец и веселая шалунья, выходит замуж. Я боялась лишиться моей бойкой, черноглазой подруги, но желание присутствовать на ее свадьбе, плясать удалую лезгинку, которую я исполняла в совершенстве, а главное – возможность уехать на несколько дней в горы, где я не была ни разу со дня смерти, – вот что меня обрадовало! И, не отдавая себе отчета в том – будет ли или не будет счастлива Бэлла, захваченная мыслью о предстоящих мне удовольствиях, я запрыгала и закружилась, хлопая в ладоши, вокруг моей хорошенькой приятельницы.

– Ай, Бэлла, ты княгиня будешь... настоящая княгиня! Ваше сиятельство...

И мы снова обнимались и хохотали, приводя бабушку в негодование нашими дикими проявлениями восторга.

– А когда же мы поедем? – приставала я к отцу за обедом.

– Завтра я отпущу вас с Юлико... Дедушка Магомет, – обратился отец к своему тестю, – ты возьмешь с собою маленького княжича?

– В доме старого Магомета рады гостям! – ласково ответил мой дед. – А разве княгиня побрезгует моим гостеприимством?

– Стара я уже для таких поездок, – сказала она, – а Юлико пусть едет, – добавила она милостиво. – Только я не отпущу его без старой Анны. А ты, Георгий, не поедешь в горы?.. – обратилась она к отцу.

Но отец не мог надолго отлучиться от своего полка.

– Я пришлю тебе мой подарок, Бэлла, – ласково обратился отец к затуманившейся на минуту свояченице.

Они были большими друзьями, и молодой горянке очень хотелось видеть его на своей свадьбе. Напоминание о подарке живо прогнало печаль с ее милого личика, и она уже громко смеялась и, хлопая в ладоши, рассказывала, какая она будет знатная узденыша.

– Барбале, на заре мы уезжаем... Прощай! – кричала я, с шумом распахивая дверь каморки Барбале. – Уезжаем все: деда, Бэлла, Анна, я и Юлико.

– Анна? И она уезжает? – встрепелась моя старушка.

– И Анна! И Анна! Ты можешь одна подавать на стол твоему князю, печь лобии²⁹ и мариновать персики. Анна уезжает, радуйся, моя Барбале!

И, возвестив любимой служанке столь радостную для нее весть, я уже мчалась дальше.

– Михако, миленький, ты хорошенечко присматривай за Шалым, – упрашивала я нашего денщика.

– Будьте покойны, княжна, – успокаивал он меня, глядя лоснящуюся спину моего коня.

– Я уезжаю завтра с дедой, – обратилась я к Родам, тщательно разглаживавшей кружевные воротнички Юлико. – Прощай, Родам, я уезжаю надолго.

Перед сном я зашла в кабинет отца. Он лежал на тахте со своей неизменной трубкой в зубах.

– Папа! – тихо сказала я. – Ты прости, отец, мои стычки с Юлико, но я его так ненавижу!

– За что, Нина? – спросил отец.

---

²⁹ *Лобии* – любимое грузинское кушанье.

– Ах, не знаю, право... – ответила я. – Кажется, за все: за важность, за чванство, за трусость...

– И ты думаешь, мне это приятно? – В его голосе послышались непривычные нотки грусти.

– Папочка, – пылко вырвалось у меня, – я знаю, я – злая девчонка, но зачем они приехали! Без них было так хорошо!

– Тише! Что ты, глупенькая! – И отец зажал мне рот рукою, которую я покрыла горячими, бурными поцелуями. – Ну что мне делать с тобою, буйная ты моя головушка? – грустно улыбнулся отец и добавил тихо: – Там-то, в гостях, веди себя, по крайней мере, хорошенько.

– О да! – убежденно вырвалось у меня. – Я обещаю тебе это, отец! – И птичкой выпорхнула из кабинета.

Глава V

В дороге. Аул Бестуди. Свадьба Бэллы

Мы выехали на заре... Бабушка напутствовала на крыльце Юлико:

– Ты помни, милый, что настоящий князь должен держать себя с достоинством, – говорила она. – Веди же себя в чужом ауле, как подобает тебе по твоему происхождению.

И она перекрестила его несколько раз и поцеловала с материнской нежностью.

– Прощайте, бабушка, – подошла я к ней.

– Прощай, – сухо кивнула она мне и протянула руку для поцелуя. – Не обижай Юлико... Веди себя прилично...

– Я уже обещала это моему отцу! – не без гордости заявила я и, еще раз повиснув на папиной шее, шепнула ему, пока он целовал меня в «свои звездочки», как называл он мои глаза в минуту особой нежности: – Слышишь? Я обещала это тебе и постараюсь сдержать мое обещание.

Бэлла занесла ногу в стремя и глядела на дедушку Магомета, готовая повиноваться по одному его взгляду. Они с дедом решили сопровождать нас всю дорогу верхом. Со мной в экипаж сели Анна и Юлико. Абрек поместился на козлах вместе с ямщиком-татарином. Нарядный и изнеженный Юлико полулежал на пестрых подушках тахты.

– Ну, храни вас Бог! – осенил отец широким крестным знаменем коляску, провожая меня любящим взглядом...

Лошади тронулись... Мы ехали по долине Куры и любовались ее плавным течением. Изредка на пути попадались нам развалины крепостей и замков. К вечеру мы остановились переменить лошадей и отдохнуть в духане, прежде чем вступить в горы. Духан стоял у подошвы горы, весь почти скрытый под навесом исполинской скалы... Хозяин духана, старый армянин, принял нас как важных путешественников и гостеприимно открыл нам двери духана. Нам отвели самую лучшую комнату с громадным бухаром³⁰, в котором жарился на углях ароматный кусок баранины. Вкусный шашлык³¹, соленый квели³², легкое грузинское вино, заедаемое лавашами³³, – все было вмиг съедено.

– Ночь мы проведем в горах, – заявил деда Магомет, чем привел меня в неопишуемый восторг.

– А там нет разбойников? – тревожно спросил задремавший было у камина княжич.

---

³⁰ *Бухар* – камин.

³¹ *Шашлык* – восточное кушанье из баранины.

³² *Квели* – местный сыр.

³³ *Лаваш* – лепешки, заменяющие хлеб.

– Душманы³⁴ всюду... Душманами кишат горы! – со смехом воскликнула Бэлла, но, заметив растерянный вид Юлико, сразу осеклась.

Я же, помня обещание, данное отцу, старалась ничем не дразнить трусливого мальчика.

На свежих горных лошадках мы бойко въехали в горы. Я удивлялась только выносливости коней деда и Бэллы. Мне хотелось спать, но картина горной ночи была до того прекрасна, что я глядела на нее, не отрываясь и забывая о сне. Палевый диск месяца обливал горы бледно-золотистым дрожащим светом. Внизу бежали потоки, шумя и волнуясь, точно спеша на званный праздник... По краям дороги зияли пропасти, страшные и непроницаемые... Юлико пугался шума горных потоков и поминутно вскрикивал при падении небольших обвалов и хватал то меня, то Анну за руку. Мы поднимались все выше и выше, миновав быструю реку Арагву, мы начали углубляться в страну горцев.

Я уснула и в первый раз, спустя много месяцев, чувствовала себя свободной от нравоучений и поминутных выговоров бабушки... Проснувшись я во время остановки у нового духана. Подле меня спала Бэлла. Она, по настоянию деда, теперь села в коляску. Княжич Юлико наконец прикорнул белокурой головкою к плечу старой Анны и тоже спал.

А солнце уже поднялось высоко и озолотило скаты гор, покрытые зеленью и лесом... Мы ехали теперь по узкой тропинке на самом краю ущелья. Я взглянула вниз, свесившись через край коляски, и тотчас же зажмурила глаза, испугавшись зияющей пасти черной бездны.

– Деда! – тихонько окликнула я старика, ехавшего за нами и ведшего на поводу коня Бэллы. – Скоро Бестуди?

Он тихо засмеялся в ответ:

– Скоро захотела, торопиться некуда – успеем!

– Возьми меня на седло, деда! – попросила я, и старик, любивший меня, пожалуй, не меньше своей Бэллы, протянул свои сильные руки и, перебросив меня через кузов коляски, опустил на седло Бэллиной лошади.

– Берегись, джаным, предайся воле коня и сиди спокойно, – сказал он, красноречиво косясь на пропасть.

– Я не боюсь! – не без тайной гордости воскликнула я.

И действительно, я больше не ощущала страха. Целый день ехала я по краю горной стремнины, точно вросшая в седло моего коня... Вдруг я заметила горного тура, выбежавшего на самый край пропасти.

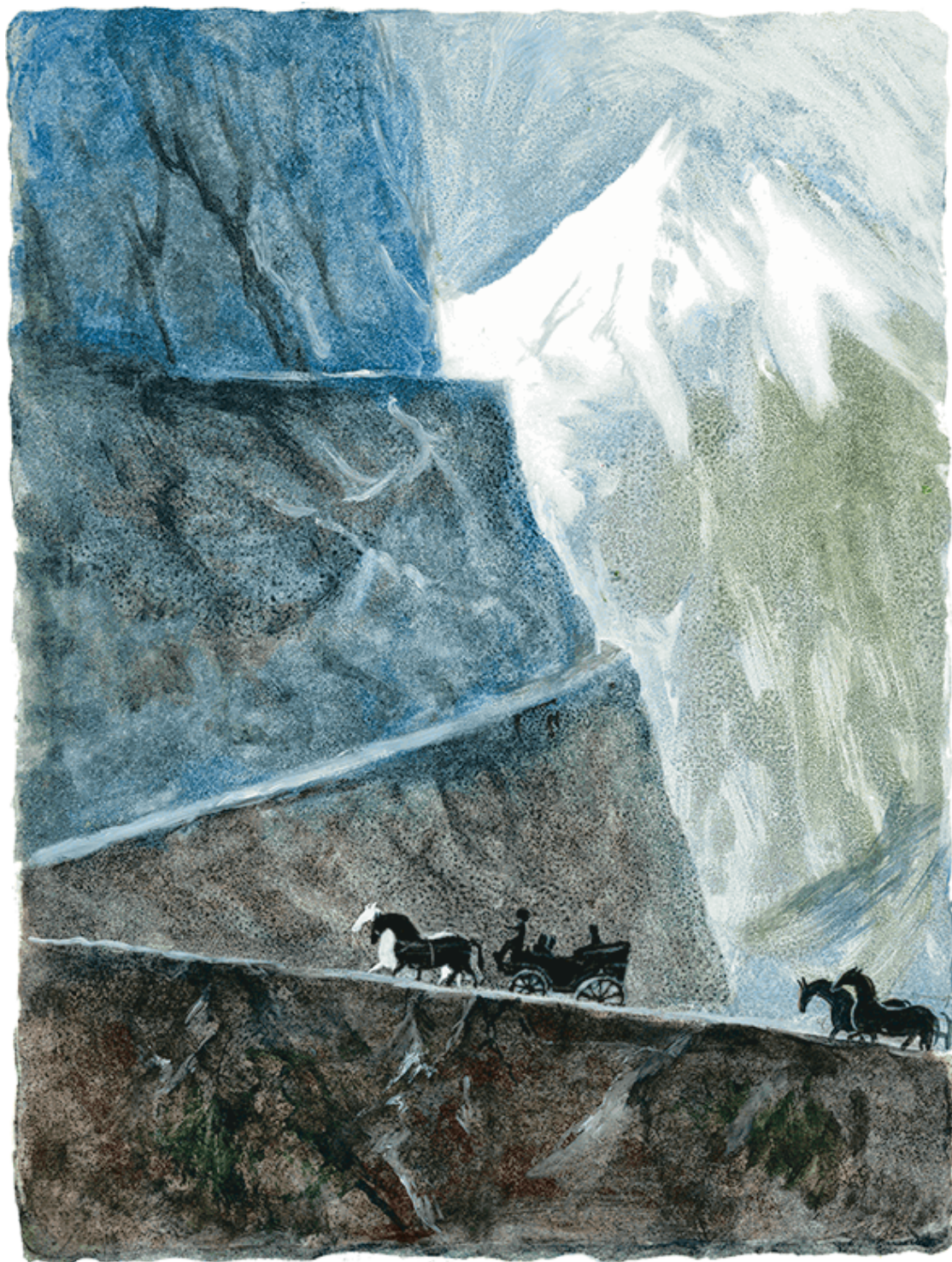
– Ах, – успела только крикнуть я, – смотрите!

Но тур повел своими круглыми глазами и, увидя приближающуюся кучку людей, скрылся за уступом.

Нам попадались навстречу целые стада грациозных серн. Они тоже разбегались при нашем приближении.

---

³⁴ Душма́ны – горные разбойники.

Проведя еще ночь под кровлей горного духана, мы, наконец, к вечеру подъехали к аулу Беджит.

Я первая заметила его белеющие сакли и радостно закричала приветствие, подхваченное горным эхом и разбудившее все еще сонного Юлико.

Еще немного – и, миновав Беджит с его большими и богатыми саклями и высокою мечетью³⁵, мы выехали в лесистую долину и стали снова подниматься к аулу Бестуди, прилепившемуся своими саклями к горным склонам.

---

³⁵ Мечеть – мусульманский храм.

Вот полуразвалившиеся бойницы крепости, вот кривая улица, ведущая к дому деда... По ней двенадцать лет тому назад русский воин и князь увозил, пользуясь покровом ночи, неоцененную добычу – красавицу горянку. Я вспомнила этот аул при первом же взгляде, несмотря на то, что была еще очень маленькой девочкой.

Нас встретил старый наиб³⁶, весь затканый серебром, с дорогим оружием у пояса. Наиб приветствовал деда с благополучным возвращением.

– Моя внучка – княжна Джаваха-оглы-Джамата, – представил он меня наибу.

– Приветствую дочь русского бека в моем ауле, – величаво и торжественно произнес старик.

– Это отец моего жениха, – успела мне шепнуть Бэлла. – Он тоже бек, наиб нашего аула. Он важный ага... А я буду женою его сына, – не без гордости произнесла она.

– И тоже будешь тогда важная! – засмеялась я.

– Глупая джанночка! – расхохоталась Бэлла. – А вот и наша сакля³⁷. Помнишь?

Коляска остановилась у большой сакли деда, приютившейся на самом краю аула, под навесом скалы, созданным самой природой, словно позаботившейся об охране ее плоской кровли от горных дождей.

– Вот мое царство! – И с этими словами Бэлла ввела нас под свою кровлю.

В первой комнате, устланной коврами и увешанной по стенам оружием, стояли низенькие тахты и лежали на коврах подушки. Комната эта называлась кунацкой. Здесь деда принимал своих гостей, здесь пировали лезгины своего и чужих аулов.

Комнатка Бэллы, маленькая, уютная, с ходом на кровлю, была тоже сплошь устлана коврами. Юлико рассматривал всю обстановку сакли любопытными глазами. Он даже на минуту оживился от своей сонливости и, войдя на кровлю, свесившуюся над бездной и охраняемую горной скалою, сказал:

– Здесь точно в сказке! Я вам завидую, Бэлла!

---

³⁶ *Наиб* – старшина селения.

³⁷ *Сакля* – домик горцев.

Она, конечно, не поняла, чему завидует княжич, и, по обыкновению, рассмеялась.

Между тем со всего аула бежали маленькие горяне и горянки к сакле Хаджи-Магомета. Они с нескрываемым любопытством горных зверьков оглядывали нас, трогали наше платье и, бесцеремонно указывая на нас пальцами, твердили на своем наречии:

– Не хорошо... Смешные...

Им странным казались наши скромные, по их мнению, одежды без серебряных украшений и позументов. Даже бархатная курточка Юлико не производила на них никакого впечатления в сравнении с их пестрыми атласными бешметами.

– Глупые маленькие дикари! – обидчиво произнес Юлико, когда Бэлла перевела нам наивный лепет юного татарского населения. А они что-то оживленно лепетали, удивляясь, чему сердится этот смешной беленький мальчик.

Вечером я заснула на открытом воздухе, на плоской кровле, где хорошенькая Бэлла сушила виноград и дыни...

Уже горы окунулись во мрак ночи, уже мулла прокричал свою вечернюю молитву с крыши минарета, когда прямо на мою низенькую, почти в уровень с полом, постель прыгнул кто-то с ловкостью горной газели.

– Спишь, радость, – услышала я шепот моей шалуни-тетки.

– Нет еще! А что?

– Хочешь, покажу моего жениха, молодого князя? Он у отца в кунацкой... Иди за мной.

И, не дожидаясь моего ответа, Бэлла, ловкая и быстрая, как кошка, стала спускаться по крутой лестнице. Через минуту мы уже прильнули к окну кунацкой... Там было много народу, все седые большею частью, важные лезгины. Был тут и старый бек – наиб аула, встретивший нас по приезде. Между всеми этими старыми, убеленными мудрыми сединой людьми ярко выделялся стройный и тоненький, совсем юный джигит.

– Это и есть мой Израил! – шепнула мне Бэлла.

– Красивый мальчик! – убежденно заметила я. – Зачем они собрались, Бэлла?

– Тсс! Тише, глупенькая... Услышат – беда будет. Сегодня они с отцом вносят моему отцу калым³⁸... Сегодня калым, через три дня свадьба... Продали Бэллу... «Прощай, свобода!», – скажет Бэлла... – грустно заключила она.

– А разве ты не хочешь выйти за Израила? – заинтересовалась я.

– Страшно, джаным: у Израила мать есть, сестра есть... и еще сестра... много сестер... На всех угодить надо... Страшно... А, да что уж, – неожиданно прибавила она и вдруг залилась раскатистым смехом, – свадьба будет, новый бешмет будет, барана зажарят, палить будут, джигитовка... Славно! И все для Бэллы!.. Ну, айда, бежим, а то заметят!

Через три дня была свадьба...

Бэлла с утра сидела в сакле на своей половине, где старая лезгинка, ее дальняя родственница, убирала и плела ее волосы в сотни тоненьких косичек. Набралось сюда немало лезгинских девушек: тут была стройная и пугливая, как серна, Еме, и Зара с недобрим восточным лицом, завидовавшая участи Бэллы, и розовая Салеме с кошачьими ухватками, и многие другие. Но Бэлла, переставшая почему-то смеяться, жалась ко мне, пренебрегая обществом подруг.

– Нина, светик, яхонтовая... – шептала она по временам и часто целовала меня в глаза, лоб и щеки.

Она волновалась... В белом, шитом серебром бешмете, в жемчужной шапочке, с длинной, мастерски затканной чадрой, с массою ожерелий и запястий, которые поминутно позвя-

---

³⁸ Калым – выкуп. По обычаю горцев, жених дает деньги за невесту.

кивали на ее твердой и тонкой смуглой шейке, Бэлла была красавицей. Я не могла не сказать ей этого.

– У-у, глупенькая, – снова услышала я ее серебристый смех, – что говорит-то, сама душечка! У-у, газельи глазки, розаны-губки, зубы-жемчужины! – истинно восточными комплиментами наградила она меня.

Потом вдруг оборвала смех и тихо шепнула:

– Пора.

Еме подала ей бубен... Она встала, повела глазами, блестящими и тоскливыми в одно и то же время, и вдруг, внезапно сорвавшись с места и ударяя в бубен, понеслась по ковру в безумной и упоительной родимой пляске. Бубен звенел под ударами ее смуглой хорошенькой ручки, стройная ножка скользила по ковру... Она временами вскрикивала быстро и односложно, сверкая при этом черными и глубокими, как горная стремнина, глазами. Потом закружилась, как волчок, в ускоренном темпе лезгинки, окруженная, точно облаком, развевающеюся белою чадрой. Салеме, Еме, Зара и другие девушки ударили в такт в ладоши и притоптывали каблуками.

Потом плясали они. Наконец, пришла и моя очередь. Мне было совестно выступать на суд этих диких дочерей аула, но не плясать на свадьбе – значило обидеть невесту, и скрепя сердце я решилась. Я видела, как во сне, усмехающееся недоброе лицо Зары и поощрительно улыбающиеся глазки Бэллы, слышала громкие возгласы одобрения, звон бубна, веселый крик, песни... Я кружилась все быстрее и быстрее, как птица летая по устланному коврами полу сакли, звеня бубном, переданным мне Бэллой, и разбросав по плечам черные кудри, хлеставшие мое лицо, щеки и шею...

– Якши!³⁹ Нина молодец! Ай да урус! Ай да дочь русского бека! – услышала я голос моего деда, появившегося во время моей пляски на пороге сакли вместе с важнейшими гостями. – Якши, внучка! – еще раз улыбнулся он.

Я со смехом бросилась к нему и скрыла лицо на его груди... Строгие ценители лезгинки хвалили меня.

Между тем Бэлла, которая не могла, по обычаю, показываться в день свадьбы гостям, набросила на лицо чадру и скрылась за занавеской. Из кунацкой доносились плачущие звуки

³⁹ *Якши* – хорошо.

зурны⁴⁰ и чиунгури⁴¹. Дед Магомет и бек-наиб позвали всех в кунацкую, где юноша-сазандар⁴² с робкими мечтательными глазами настраивал зурну. Я и Юлико последовали туда за взрослыми.

– Как вы хорошо плясали, Нина, куда лучше всех этих девушек, – шепнул мне восторженно мой двоюродный брат. – Я бы хотел научиться плясать так же.

«Куда тебе, с твоими кривыми ногами!» – хотелось крикнуть мне, но, вспомнив обещание, данное отцу, сдержалась.

Лезгины расселись по тахтам и подушкам. Слуги поставили между ними дымящиеся куски баранины, распространяющие вкусный аромат, блюда с пряными сладостями, кувшины с душистым шербетом⁴³ и с какою-то переливающейся янтарной влагою, которую они пили, вспоминая Аллаха.

Девушки одна за другою снова выходили на середину и с блестящими глазами отплясывали лезгинку. К ним присоединялись юноши-лезгины, стараясь превзойти друг друга в искусстве танцев. Только юный бек Израил, жених Бэллы, сидел задумчивый между дедом Магометом и своим отцом наибом. Мне было жаль молоденького бека и Бэллу, связанных навеки друг с другом по желанию старших, и я искренне пожелала им счастья... Лезгинка кончилась, и выступил сазандар со своей чиунгури. Он пел о недавнем прошлом, о могучем черном орле, побежденном белыми соколами, о кровавых войнах и грозных подвигах лихих джигитов... Мне казалось, что я слышала и вой пушек, и ружейные выстрелы в сильных звуках чиунгури... Потом струны запели о белом пленнике и любви к нему джигитской девушки. Тут была целая поэма с соловьиными трелями и розовым ароматом... Седые важные лезгины, престарелые наибы соседних аулов и гордые беки слушали, затаив дыхание. Он кончил, и в его ветхую папаху, встретившую не одну непогоду под открытым небом, посыпались червонцы.

---

⁴⁰ *Зурна* – музыкальный инструмент вроде волынки.

⁴¹ *Зурна* – музыкальный инструмент вроде волынки.

⁴² *Сазандар* – странствующий певец, а также музыкальный инструмент.

⁴³ *Шербет* – традиционный напиток в странах Востока.

Между тем наступал вечер. Запад заалел нежным заревом. Солнце пряталось в горы...

Бек Израил первый встал и ушел с пира; через пять минут мы услышали ржание коней, и он с десятком молодых джигитов умчался из аула в свое поместье, лежавшее недалеко в горах. Дед Магомет, взволнованный, но старавшийся не показывать своего волнения перед гостями, пошел на половину Бэллы. Я, Юлико и девушки – подруги невесты последовали за ним. Там он трогательно простился с дочерью. В первый раз я увидела слезы в глазах хорошенькой Бэллы.

– Да будет благословенье Аллаха над моей голубкой, – тихим, растроганным голосом произнес старик и положил руку на черную головку молодой девушки, припавшей на его грудь.

Потом мы провожали Бэллу, усадили ее в крытую арбу, всю закутанную от любопытных глаз непроницаемой чадрой. В один миг ее окружили полсотни всадников из лучших джигитов аула Бестуди.

– Прощай, Нина, прощай, миленькая джаным! – шепнула мне Белла и наскоро прижалась мокрой от слез щекой к моему лицу.

Лошади тронулись. Заскрипела арба, заскакали с диким гиканьем всадники, джигитуя всю дорогу от аула до поместья наиба. Вот еще раз арба мелькнула своим белым полотняным верхом и исчезла за горным утесом...

Мы вернулись в саклю. Пустой и неудобной показалась мне она по отъезде Бэллы.

– Да... да... – поймав мой тоскующий взор, произнес загрустивший, как-то разом осунувшийся дедушка, – двенадцати лет не минуло, как одна дочь упорхнула, а теперь опять другая... Обе важные, обе княгини, обе в золоте и довольстве... А что толку? Что мне осталось?

– Я тебе осталась, дедушка Магомет. Я, твоя Нина, осталась тебе! – пылко вырвалось у меня, и я обвила сильную шею старика моими слабыми детскими руками.

Он заглянул мне в глаза внимательным взглядом. Должно быть, много любви и беззаветной ласки отразилось в них, если вдруг теплый луч скользнул по его лицу, и он, положив мне на лоб свою руку, прошептал умиленно:

– Спасибо тебе, малютка. Храни тебя Аллах за это, белая птичка из садов рая!

Глава VI

У княгини. Хвастунишка. Паж и королева. Ночные страхи

Гнездышко опустело... Выпорхнула пташка. Смолкли веселые песни в сакле Хаджи-Магомета, не слышно в ней больше веселого смеха Бэллы...

Мы с Юлико и Анной навестили на другой день молодую княгиню в ее поместье. Настоящим земным раем показался нам уголок, где поселилась Бэлла. Поместье Израила и его отца лежало в чудесной лесистой долине, между двумя высокими склонами гор. Весь сад около дома был полон душистых азалий; кругом тянулись пастбища, где паслись стада овец и табун лучших горных лошадей.

Новая родня Бэллы жила отдельно, в большом доме, в версте от сакли Израила.

Мы застали Бэllu за рассматриванием подарков, присланных ей моим отцом. Она была в расшитом серебром бешмете, с массою новых украшений и ожерелий на шее. Ее юный муж сидел подле и тоже весело смеялся.

– Смотри, они точно дети! – шепнула я Юлико с важностью взрослой, чем несказанно насмешила молодую.

– Здравствуй, джаным, здравствуй, княжич! – вскрикнула она, целуя нас.

Через пять минут она уже сорвалась с персидской тахты и с визгом гналась за мной по долине, начинавшейся за садом. Израил, забыв свое княжеское достоинство, также следовал за нами. И Бэлла, и Израил походили на детей больше, нежели одиннадцатилетний Юлико, ушедший весь в скучное созерцание нашей забавы.

Перед моим отъездом Бэлла неожиданно стала серьезной.

– Скажи отцу, – произнесла она, и глаза ее в эту минуту были торжественны и горды, – что я и мой господин, – тут она метнула взором в сторону Израила, столь же похожего на господина, сколько Юлико на горного оленя, – что мой господин ждет его к себе. Скажи ему еще, что Бэлла... счастлива!

– Прощайте, княгиня! – неожиданно расшаркался перед нею Юлико с важностью маленького маркиза.

Она не поняла сначала, потом так и прыснула со смеху и, обхватив его за курчавую голову, вьюном закружилась по сакле.

– Однако княгине Бэлле не мешает поучиться хорошим манерам! – говорил мне на обратном пути мой двоюродный братец.

– Сиди смирно, а то ты скатишься в пропасть, – презрительно оборвала я его, обиженная за моего друга, отодвигаясь от Юлико в самый угол коляски.

* * *

Еме, Зара, Салеме, Фатима и другие подруги Бэллы, забросали нас вопросами о невесте, ее новом доме, украшениях и прочих важных для них вещах. Они проводили нас до сакли деда и с любопытством слушали мои рассказы о жите молодой княгини.

– Слава Аллаху, если дочь моя счастлива... – сказал дед Магомет, направляясь к своему приятелю мулле. С его уходом сотни новых вопросов о сакле, оружии, нукерах из нового дома Бэлы посыпались на мою голову, а я еле успевала отвечать.

– О, как бы я хотела, волею Аллаха, быть на месте Бэллы! – искренне воскликнула миловидная, розовенькая Салеме.

– Что она говорит? – спросил Юлико, который не понимал языка лезгинов.

Я перевела ему слова девушки.

– Есть чему завидовать! – презрительно сказал он. – Вот у бабушки моей в Тифлисе действительно несметные богатства. У нас там дом в три этажа, сплошь засыпанный разными драгоценностями! Мы ели на золотых блюдах, а за одну только рукоятку дедушкиного кинжала можно получить целый миллион туманов⁴⁴. А сколько слуг было у бабушки...

В саду били фонтаны сладкого вина, а вокруг них лежали груды конфет...

– Вино запрещено Кораном⁴⁵, – вмешалась Зара, прерывая вранье моего кузена.

– Грузинам оно не запрещено. Только глупые магометане могут верить подобным запретам.

– Не смей оскорблять веру наших отцов! – крикнула Зара, и глаза ее загорелись злыми огоньками.

– Кто смеет говорить это мне, князю Юлико Джаваху? – ответил он и надменно обвел маленькими мышиными глазками собрание девушек.

– Перестань, Юлико, – шепнула я ему, – перестань, это может дурно кончиться для тебя!

– Да как же она смеет так относиться ко мне, природному грузинскому князю!

– Да какой ты князь! – недобро рассмеялась Зара. – Разве такие князья бывают? Вот наиб – князь... видный, высокий, усы в палец, глаза как у орла... А ты маленький, потешный, точно безрогий горный козел с переломанными ногами.

И все три девушки, довольные остротой подруги, залились громким смехом.

Что-то кольнуло мне в сердце. Жалость ли то была или просто родовитая гордость, не позволяющая оскорблять в моем присутствии члена семьи Джаваху, но, не отдавая себе отчета, я близко подошла к Заре и крикнула ей, заглушая ее обидный смех:

– Стыдись, Зара! Или в лезгинском ауле забыли обычаи гостеприимства Дагестанской страны?

Зара вся вспыхнула и смерила меня взглядом. На минуту воцарилось молчание. Потом она подхватила со злым смехом:

– А ты чего заступаешься за этого ошипанного козленка?.. Или он уделяет тебе от своего богатства? Или ты служишь унаиткой⁴⁶ в сакле его бабки?

Это было уже слишком... Моя рука невольно схватилась за рукоятку кинжала, висевшего на поясе. Однако я сдержалась и, чувствуя, как бледнею от оскорбленной гордости и гнева, твердо произнесла:

– Знай, что никогда ничем нельзя подкупить княжну Нину Джаваху!

– Княжну Нину Джаваху, – как эхо повторил за мною чей-то голос.

Живо обернувшись, я увидела маленького, сгорбленного желтого старика в белой чалме и длинной мантии. Что-то жуткое было в выражении его острых глаз, скользивших по нашим лицам. Это был мулла. Завидев его, все девушки разом встrepенулись и опустили головы в знак уважения. А я не без тайного волнения смотрела на заклятого врага моего отца, на человека, громившего мою мать за то, что она перешла в христианскую веру, несмотря на его запрет.

– Приблизься, христианская девушка... – чуть внятным от старости голосом произнес он.

---

⁴⁴ *Туман* – 10 царских рублей.

⁴⁵ *Коран* – священный завет мусульман.

⁴⁶ *Унайтка* – крепостная служанка, рабыня.

Я подошла к нему и смело взглянула в его глаза.

– Хороший, открытый взгляд... – произнес он, кладя мне на лоб свою тяжелую руку. – Да останется он, волею Аллаха, таким же честным и правдивым на всю жизнь... Благодаренье Аллаху и Пророку, что милосердие их не отвернулось от дочери той, которая преступила их священные законы... А ты, Лейла-Зара, – обратился он к девушке, – забыла, должно быть, что гость должен быть принят в нашем ауле, как посол великого Аллаха!

И, сказав это, он пошел, опираясь на палку.

Когда вечером я спросила дедушку Магомета, что значит эта любезность старого муллы, он сказал тихим, грустным голосом:

– Я говорил, дитя мое, с муллою. Он слышал твой разговор и остался доволен твоими мудрыми речами в споре с нашими девушками. Он нашел в тебе большое сходство с твоею матерью, которую очень любил за набожную кротость в ее раннем детстве. Много грехов отпускается той матери, которая сумела сделать своего ребенка таким, как ты!

В тот же вечер мы уехали. Все население Бестуди высыпало нас провожать.

– Прощай, деда, прощай, милый! – еще раз обняла я старика на пороге сакли.

– Прощай, милая пташка из садов Магомета! – ласково ответил дед.

Коляска, в которой сидели я, Анна и Юлико, затряслась по кривым улицам аула. Навстречу нам, из поместья бека Израила, прискакали попрощаться Бэлла и Израил.

– Прощай, джанночка, не могла не проводить тебя.

И, свесившись со своего расшитого шелками и золотом седла, Бэлла звонко чмокнула меня в обе щеки.

– Бэлла, душечка, спасибо!

Они долго провожали нас... Солнце уже село, когда Бэлла еще раз обняла меня и погнала лошадь назад.

Я привстала в коляске, несмотря на воркотню Анны, и смотрела на удаляющиеся силуэты двух юных и стройных всадников.

Надвигалась ночь, Анна постлала нам постели в коляске. Я зарылась в подушки и готовилась уже заснуть, как вдруг почувствовала прикосновение чьих-то тоненьких пальчиков к моей руке.

– Нина, – слышался мне тихий шепот, – ах, Нина, не засыпайте, пожалуйста, мне так много надо поговорить с вами!

– Ну, что еще? – высунулась я из-под покрывавшей меня теплой бурки, все еще сердитая на своего двоюродного брата.

– Ради Бога, не засыпайте, Нина! – продолжал умоляющий голос. – Вы на меня сердитесь?

– Я не люблю лгунишек! – гордо бросила я.

– Я больше не буду... Ниночка, клянусь вам... – залепетал мальчик, – я сам не знаю, что случилось со мною... Мне хотелось подурочить девочек... а они оказались умнее, чем я думал! Если б вы знали, до чего я несчастлив!

И вдруг самым неожиданным образом мой кузен разрыдался совсем по-детски, вытирая слезы бархатными рукавами своей щегольской курточки. Я вмиг уселась подле плакавшего мальчика, глядя его спутанные кудри и говорила задыхающимся шепотом:

– Что ты? Что ты? Тише, разбудишь Анну... Перестань, Юлико... Я не сержусь на тебя...

– Не сердитесь, правда? – спросил он, всхлипывая.

– Я всегда говорю одну только правду! – гордо ответила я. – О чем ты плакал?

– Ах, Нина! – порывисто вырвалось у него. – Если бы вы знали, как мне тяжело, когда вы на меня сердитесь... Сначала я вас не любил, ненавидел... ну, а теперь, когда вижу, какая вы храбрая, умная, насколько вы лучше меня, я так хотел бы, чтобы вы меня полюбили! Так бы хотел! Вы заступились за меня сегодня, и я вам никогда этого не забуду. Меня ведь никогда никто не любил! – добавил он с грустью.

– Как? А бабушка? – удивилась я.

– Бабушка... – и Юлико с горькой улыбкой посмотрел на меня. – Она меня совсем не любит. Когда был жив мой старший брат Дато, она и внимания не обращала на меня. Мой брат был красивый, сильный и стройный! Он командовал мною, словно слугою... Но я его слушался, слушались его и мать, и бабушка, и слуги... У него был тон и голос настоящего принца. Когда он был жив, обо мне забывали... но когда он умер, все попечения родных обратились на меня... ведь Юлико, последний представитель нашего рода. Вот почему так полюбила меня бабушка...

– Юлико! – совсем уже ласково обратилась я к нему, ведь мне было бесконечно жаль его. – А твоя мама, разве она тебя не любила?

– Моя мама очень любила Дато, видимо, поэтому, спустя немного времени после его смерти, она тоже умерла... При жизни она редко меня ласкала... Да я и не обижался: я с удовольствием уступал все моему брату, которого так любил!

– Бедный Юлико! Бедный Юлико! – прошептала я и неожиданно обняла его и поцеловала в лоб.

– Нина! – заговорил он, чуть не плача. – Вы больше не сердитесь на меня? О, я так же буду вас любить за вашу доброту, как любил Дато!.. Ах, Нина! Теперь я так счастлив, что у меня есть друг! Хотите, я что-нибудь серьезное, большое сделаю для вас? Хотите, я буду вашим пажом... а вы будете моей королевой?

Я посмотрела на его воодушевленное лицо и произнесла торжественно и важно:

– Хорошо! Будь моим пажом, я буду твоей королевой.

Мы долго еще болтали, пока сон не смежил усталые веки Юлико. А я спать не могла. Меня грызло раскаяние за мое прошлое недоброе отношение к этому мальчику... Бедняга, не видевший до сих пор участия и дружеской ласки, стал мне вдруг жалким и очень близким. Я пообещала себе заботиться о бедном и слабом ребенке.

Вскоре я заснула, но очень скоро проснулась и выглянула из коляски. Ночь совсем овладела окрестностями. Наша коляска стояла. Я уже хотела снова залезть под бурку, как внезапно услышала тихую татарскую речь. Голосов было несколько, в одном из них я узнала Абрека. Речь шла о лошади: татары упрашивали Абрека доставить им лошадь князя. Абрек просил за нее много туманов, и после некоторых споров о цене ониладили.

– Так через три дня... ждать? – спросил хриплый и грубый голос.

– Да, – обещал наш конюх и добавил: – Останетесь довольны Абреком... жалко княжну – любит коня.

Я похолодела... Они говорили о моей лошади, о моем Шалом!.. Абрек обещал выкрасть Шалого и продать его душманам!..

Мысли путались в моей голове, я не могла поверить в то, что мой любимец Абрек мог быть предателем. Абрек, охотно выучивший меня джигитовке и лихой езде, Абрек, хотивший моего коня, не мог быть вором!.. И, успокоившись на этой мысли, я уснула.

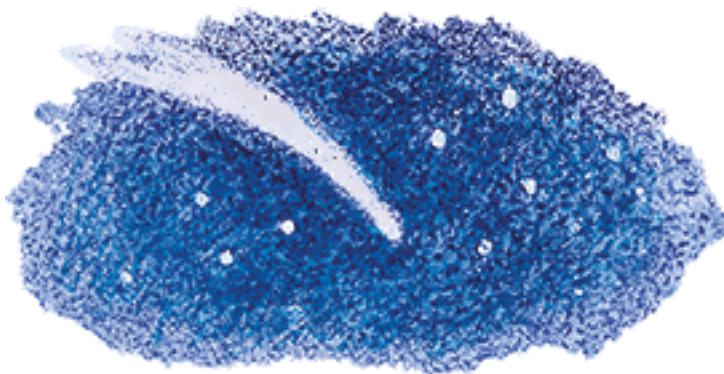
На утренней заре следующего дня мы въехали в Гори.

Отец, бабушка, старая Барбале, Михако и хорошенькая Родам встретили нас довольные нашим возвращением. Не укрылось от старших и мое новое отношение к Юлико. Молчаливая, восторженная покорность с его стороны и покровительственное дружелюбие с моей – не могли не удивить домашних.

– Спасибо, девочка, – поймав меня за руку, сказал отец.

Я поняла, что он благодарит меня за Юлико, и вся вспыхнула от удовольствия, но о ночном разговоре Абрека с татарами я промолчала и, на всякий случай, решила удвоить мой надзор над моим конем.

Глава VII

Таинственные огоньки. Башня смерти

– Нина, Нина, подите сюда! Скорее! Скорее!

В один прыжок я очутилась подле Юлико и взглянула туда, куда он указывал рукою. Я увидела, как в одной из башенок давно позабытых, поросших мхом и дикой травой развалин мелькал огонек.

В первую минуту я испугалась. «Убежим!» – хотелось мне крикнуть моему двоюродному брату. Но, вспомнив, что я королева, а королевы должны быть храбрыми, по крайней мере в присутствии своих пажей, я сдержалась.

– Юлико, – спросила я моего пажа, – как ты думаешь, что бы это могло быть?

– Я думаю, это злые духи, – без запинки отвечал мальчик.

– Какой же ты трус! – сказала я, заметив, как он весь дрожит от страха и добавила: – Огонек светится из Башни смерти.

– Башни смерти? Почему эта башня так называется? – спросил он.

Присев на краю обрыва и не спуская глаз с таинственного огонька, я передала ему историю, которую рассказывала мне Барбале:

– Давно-давно, когда мусульмане бросились в Горы и предприняли ужаснейшую резню в его улицах, несколько христианских девушек-грузинок заперлось в крепости в одной из башен. Храбрая и предприимчивая грузинка Тамара Бербуджи вошла последней в башню и остановилась у закрытой двери с острым кинжалом в руках. Дверь была очень узка и могла пропустить только по одному турку. Через несколько времени девушки услышали, что их осаждают. Дверь задрожала под ударами турецких ятаганов.

– Сдавайтесь! – кричали им враги.

Но Тамара объяснила полумертвым от страха девушкам, что смерть лучше плена, и, когда дверь уступила напору турецкого оружия, она вонзила свой кинжал в первого ворвавшегося воина. Враги перерезали всех девушек своими кривыми саблями, Тамару они заживо схоронили в башне.

До самой смерти слышался ее голос из заточения; своими песнями она прощалась с родной и жизнью...

– Значит, огонек – ее душа, не нашедшая могильного покоя! – с суеверным ужасом решил Юлико и, дико вскрикнув, пустился к дому. В тот же миг огонек в башне потух...

Ложась спать, я решила для себя, что хорошенько прослежу за таинственными огоньками в башне.

В эту ночь мне плохо спалось... Мне снились какие-то страшные лица в фесках с кривыми ятаганами в руках, слышались дикие крики, стоны и голос, нежный, как волшебная свирель, голос девушки, заточенной на смерть...

Несколько вечеров подряд я отправлялась к обрыву в сопровождении моего пажа. Мы садились на краю обрыва и, свесив ноги над бегущей далеко внизу Курой, предавались созерцанию. Случалось, что огонек потухал или переходил с места на место, и мы с ужасом переглядывались с Юлико, но не уходили с нашего поста.

– Юлико, – говорила я ему шепотом, – как ты думаешь, бродит там умершая девушка?

И, встретив его глаза, расширенные ужасом, я добавила, охваченная каким-то жгучим, но почти приятным ощущением страха:

– Да, да, бродит и просит могилы.

– Не говорите так, мне страшно, – молил меня Юлико чуть не плача.

– А вдруг она выйдет оттуда, – продолжала я пугать его, чувствуя сама, как трепет ужаса пронизывает меня, – и утащит нас за собою?

Храбрый паж с ревом понесся к дому по каштановой аллее, а за ним, как на крыльях, понеслась и сама королева, испытывая скорее чувство сладкого и острого волнения, нежели испуга...

– Юлико! – сказала я ему как-то, сидя на том же обрыве и не сводя глаз с таинственно мерцающего огонька. – Ты меня очень любишь?

Он посмотрел на меня глазами, в которых было столько преданности, что я не могла ему не поверить.

– Больше брата? – добавила я только.

– Больше, Нина!

– И сделаешь для меня все, что я ни прикажу?

– Все, Нина, приказывайте! Ведь вы моя королева.

– Хорошо, Юлико, ты добрый товарищ! Завтра в эту пору мы пойдем в Башню смерти. Он вскинул на меня глаза, в которых отражался ужас, и задрожал как осиновый лист.

– Нет, ни за что, это невозможно! – вырвалось у него.

Я смерила его презрительным взглядом.

– Князь Юлико! – гордо отчеканила я. – Отныне вы не будете моим пажом.

Он заплакал, а я, не оглядываясь, пошла к дому.

Не знаю, как мне пришло в голову идти узнавать, что делается в Башне смерти, но раз эта мысль вонзилась в мой мозг, отделаться от нее я уже не могла. Отказ Юлико стал для меня всего лишь поводом к тому, что гордость за этот подвиг будет только у меня!

И вот страшная минута настала. Как-то вечером, простясь с отцом и бабушкой, чтобы идти спать, я свернула в каштановую аллею и одним духом домчалась до обрыва. Всего за несколько минут я спустилась на берег Куры и, пробежав мост, поднялась по скользким ступеням, поросшим мхом, к руинам крепости. Все ближе и ближе, точно путеводной звездой, мелькал мне приветливо огонек в самом отдаленном углу крепости. То была Башня смерти...

Я лезла к ней по ее каменистым уступам и – странное дело! – почти не испытывала страха. Когда передо мною зачернели в сумерках наступающей ночи высокие, полуразрушенные стены, я оглянулась назад. Наш дом покоился сном на том берегу Куры, точно узник, плененный мохнатыми стражниками-чинарами. Нигде не видно было света. Только в кабинете отца горела лампа. «Если я крикну – там меня не услышат», – мелькнуло в моей голове, и на минуту мне сделалось так жутко, что захотелось повернуть назад. Но любопытство и любовь к таинственному превозмогли чувство страха, и через минуту я уже храбро пробиралась по узким переулкам крепости к самому ее отдаленному пункту, откуда приветливо мигал огонек. Я тихонько толкнула дверь и стала бесшумно, испуганно прислушиваясь к малейшему шороху, подниматься по шатким ступеням. Прямо передо мною – дверь, через щель которой проникала узкая полоса света. Я приложила глаз к дверной щели и чуть не вскрикнула во весь голос.

Вместо призрака горийской красавицы я увидела трех сидевших на полу горцев, которые при свете ручного фонаря рассматривали куски каких-то тканей. Они говорили тихим шепотом. Двоих из них я разглядела. У них были бородатые лица и рваные осетинские одежды. Третий сидел ко мне спиной и перебирал в руках крупные зерна великолепного жемчужного ожерелья. Тут же рядом лежали богатые, золотом расшитые седла, драгоценные уздечки и нарядные, камнями осыпанные дагестанские кинжалы.

– Так не уступишь больше за штучку? – спросил один из сидящих того, который был ко мне спиной.

– Ни одного тумана.

– А лошадь?

– Лошадь будет завтра.

– Ну, делать нечего, получай десять туманов и айда!

И, говоря это, черноусый горец передал товарищу несколько золотых монет. Голос говорившего показался мне знакомым. В ту же минуту третий горец вскочил на ноги и повернулся лицом к двери. Вмиг узнала я его. Это был Абрек!

Этого я не ожидала!.. Предо мною совершалась неслыханная дерзкая мошенническая сделка.

Очевидно, это были те самые душманы, голоса которых я слышала в ночь нашего отъезда от Бэллы. Абрек, без сомнения, играл между ними не последнюю роль. Он поставлял им краденые вещи и продавал их в этой комнате Башни смерти, чудесно укрытой от любопытных глаз.

– Слушай, юноша, – произнес татарин с седой головой, – завтра последний срок. Если не доставишь коня – берегись... Гори не в раю Магомета, и мой кинжал достанет до тебя.

– Слушай, старик, слово правоверного так же непоколебимо, как и закон Аллаха. Берегись оскорблять меня. Ведь и мой тюфенк⁴⁷ бьет без промаха.

И, обменявшись этим запасом любезностей, они направились к выходу.

Дверь скрипнула. Фонарь потух. Я прижалась к стене, боясь быть замеченной. Когда они прошли мимо меня, я стала ощупью впотьмах слезать с лестницы. У нижней двери я помедлила. Три фигуры неслышно скользнули по крепостной площади. Двое из горцев исчезли за стеною с той стороны, где крепость примыкает к горам, Абрек же направился к мосту.

---

⁴⁷ Тюфенк – винтовка.

Я догнала его только у обрыва, куда он вскарабкался с ловкостью кошки, и, не отдавая себе отчета в том, что делаю, схватила его за рукав бешмета.

– Абрек, я все знаю! – сказала я.

Он вздрогнул от неожиданности и схватился за рукоятку кинжала. Потом, узнав во мне дочь своего господина, он опустил руку и спросил немного дрожащим голосом:

– Что угодно княжне?

– Я все знаю, – повторила я глухо, – слышишь ты это? Я была в Башне смерти, и видела краденые вещи, и слышала уговор увести одну из лошадей моего отца. Завтра же весь дом узнает обо всем!

Абрек вскинул на меня глаза, в которых сквозил целый ад злобы, бессильной злобы и гнева, но сдержался и проговорил возможно спокойнее:

– Не было случая, чтобы мужчина и горец побоялся угроз грузинской девочки!

– Однако эти угрозы сбудутся, Абрек: завтра же я буду говорить с отцом.

– О чем? – дерзко спросил он меня.

– Обо всем, что слышала и видела и сегодня, и в ту ночь в горах, когда ты уговаривался с этими же душманами.

– Тебе не поверят, – дерзко засмеялся горец, – госпожа княгиня знает Абрека, знает, что Абрек верный нукер, и не выдаст его полиции по глупой выдумке ребенка.

– Ну, посмотрим! – угрожающе проговорила я.

Вероятно, по моему тону горец понял, что я не шучу, потому что круто переменял тон речи.

– Княжна, – начал он вкрадчиво, – зачем ссоришься с Абреком? Или забыла, как Абрек ухаживал за твоим Шалым? Как учил тебя джигитовке?.. А теперь я узнал в горах такие места, такие!.. – и он даже прищелкнул языком и сверкнул своими восточными глазами. – Лань, газель не проберется, а мы проскочим! Трава – изумруд, потоки из серебра... туры бродят... А сверху орлы... Хочешь, завтра поскачем? – И он заглядывал мне в глаза и вкладывал необычайную нежность в нотки своего грубого голоса.

– Нет, нет! – твердила я, затыкая уши, чтобы помимо воли не соблазниться его речами. – Я не поеду с тобой никуда больше. Ты душман, разбойник, и завтра же я все расскажу отцу...

– А-а! – дико, по-азиатски взвизгнул он. – Берегись, княжна! Плохи шутки с Абреком. Так отомстит Абрек, что всколыхнутся горы и застынут реки. Берегись! – И, еще раз гикнув, он скрылся в кустах.

Я стояла ошеломленная, взволнованная, не зная, что предпринять, на что решиться...

Глава VIII

Обличительница

Утром я была разбужена отчаянными криками и суматохой в доме. Я плохо спала эту ночь. Меня преследовали страшные сновидения, и только на заре я забылась... Крики делались все громче и яснее. В них выделялся голос старой княгини, пронзительный и резкий, каким я привыкла его слышать в минуты гнева.

– Вай-ме, – кричала бабушка, – украли мое старинное драгоценное ожерелье! Вай-ме! Его украли из-под замка, и кольца, и серьги – все украли. Вчера еще они были в шкатулке. Мы с Родам перебирали их. А сегодня их нет!

Я быстро оделась... Выйдя из моей комнаты, я столкнулась с отцом.

– Покража в доме. Какая гадость! – сказал он и по обыкновению передернул плечами.

По его приказу Михако отправился в Гори дать знать полиции обо всем случившемся.

Прибежала Родам и с плачем упала в ноги отцу.

– Батоно-князь! – кричала она. – Я и моя тетка, старая Анна, хранила бриллианты княгини. Нас обвиняют в воровстве и посадят в тюрьму. Но я не краля, клянусь святой Ниной – просветительницей Грузии!

Да, она не краля, это видно было по ее честным и ясным глазам, как у ребенка. Она не могла, хорошенькая Родам, украсть бриллианты моей бабушки.

Но кто же вор в таком случае? Вдруг острая как кинжал мысль прорезала мой мозг: «Вор – Абрек!»

Да, да, вор – Абрек! В этом не было сомнений. Он украл бриллианты бабушки. Быстро обняв плачущую Родам, я воскликнула:

– Утри свои слезы! Я знаю и назову вора... Папа, вели созвать людей в залу, только скорее, ради Бога!

– Иди, Родам, прикажи всем людям собраться в зале, – приказал отец и запер за нею дверь.

– Ну, Нина-радость, чеми патара, – ласково произнес он, – Расскажи мне все по порядку, что случилось?

И он усадил меня на колени и я в пять минут поведала ему все, захлебываясь и торопясь от волнения.

– И ты уверена, что это тебе не приснилось? – спросил отец.

– Приснилось? Если ты не веришь мне, спроси Юлико, он тоже видел огоньки в башне и следил за ними.

– Юлико дурно. Он заболел от испуга. Но если б даже он был здоров, я не обратился бы к нему. Я верю моей девочке больше, чем кому-либо другому.

– Спасибо, папа! – ответила я ему и об руку с ним вошла в залу.

Там собрались все люди, за исключением Михако, усакавшего в Гори.

Я взглянула на Абрека. Он был бледнее своего белого бешмета.

– Абрек! – смело подошла я к нему. – Ты украл вещи бабушки! Слышишь, я не боюсь твоих угроз и твоего мщения и повторяю тебе, что ты вор!

– Княжна шутит, – криво усмехнулся горец и незаметно подо двинулся к двери.

Но отец поймал его движение и, схватив за плечо, поставил его прямо перед собою. Лицо отца горело. Глаза метали искры. В нем проснулся один из тех ужасных порывов гнева, которые делали его неузнаваемым.

– Молчать! – прогремел он так, что, казалось, задрожали своды нашего дома, и все присутствующие в страхе переглянулись между собой. – Молчать, говорят тебе! Всякое заpiresтельство только увеличит вину. Куда дел ты фамильные драгоценности княгини?

– Я не брал их, батоно-князь. Аллах знает, что не брал.

– Ты лжешь, Абрек! – выступила я снова. – Я видела у тебя в башне много драгоценных вещей, но ты все их передал тем двум душманам, и они отнесли все в горы.

– Назови мне сейчас же имена твоих сообщников, укажи место, где они скрываются! – снова проговорил отец.

– Не знаю, батоно-князь, никаких душманов. Верно, княжне привиделся дурной сон про Абрека. Не верь, батоно, ребенку.

Но слова горца, очевидно, истошили последнее терпение отца. Он сорвал со стены нагайку и взмахнул ею. Раздался пронзительный крик. Вслед за этим, прежде, чем кто-либо успел опомниться, в руках Абрека что-то блеснуло. Он бросился на отца с поднятым кинжалом, но в ту же минуту сильные руки Брагима схватили его сзади.

– Потише, орленок, не доросли еще крылья! – крикнул с недобрым смехом Брагим, закручивая на спине руки Абреку.

Тот дрожал с головы до ног, его глаза горели бешенством, багрово-красный рубец от нагайки бороздил щеку. Вдруг дверь широко распахнулась, и полиция, предшествуемая Мих-ако, вошла в зал.

При виде вооруженных людей Абрек сделал невероятное усилие и, вырвавшись из сильных рук Брагима, с быстротой молнии вскочил на подоконник и, крикнув «айда», спрыгнул вниз с высоты нескольких саженей прямо в тихо плещущие волны Куры... Это был смелый прыжок, которому мог бы позавидовать любой джигит Кавказа...

Я долго не могла забыть стройную фигуру разбойника-горца, стоящую на подоконнике, его дикий взгляд и короткую, полную злобной ненависти фразу: «Еще свидимся – тогда попомните душмана Абрека!» Не знаю, к кому относилась эта угроза – ко мне ли, за то, что я выдала его, или к моему отцу, оскорбившему вольного сына гор ударом нагайки. Но его взгляд скользнул по нам обоим, и невольно опустились мои глаза, встретив его сверкающие бешеным огнем зрачки, а сердце мое болезненно сжалось предчувствием и страхом.

– Исчез мошенник, – сказал отец, подойдя к окну и вперив глаза в пространство.

– Отчаянный прыжок, – сказал старый военный пристав, друг отца, – этот негодяй, должно быть, разбился насмерть.

– Нет, я уверен, что бездельник остался жив, он ловок, как кошка, – ответил отец.

– Молодец, барышня, – обратился ко мне пристав. – Не ожидал от вас такой прыти.

– Да, она у меня храбрая! – сказал отец, ласково скользнув по мне взглядом.

Ликуя, я вихрем помчалась к Юлико – рассказать ему о случившемся. Он лежал бледный, как труп, в своей нарядной постельке и, увидев меня, протянул мне руки. Андро успел его предупредить обо всем, и теперь глаза его выражали неподдельное восхищение перед моим геройством.

– О, Нина! – мог только выговорить он. – Если у престола Бога есть Ангелы-воители, вы будете между ними!

Не могу сказать, чтобы восторженный лепет моего кузена я пропустила мимо ушей. Напротив, я готова была теперь простить ему его вчерашнюю трусость.

– Уйди, Андро! – приказала я мальчику.

Как только маленький слуга вышел, я рассказала Юлико все, что случилось со мною.

– Вы настоящая героиня! – прошептал мой двоюродный брат. – Как жаль, что вы не родились мальчиком!

– Это ничего не значит, – спокойно возразила я и вдруг совершенно безжалостно добавила: – Ведь между мальчиками найдется и не одна такая тряпка, как ты.

Но когда я увидела, как он беспокойно заметался в своей постельке среди подушек, украшенных тончайшими кружевами и княжескими гербами, я словно спохватилась и сказала:

– Успокойся, Юлико, твоя робость происходит от болезненности, я уверена, что она пройдет с годами.

– Да, да, она пройдет, наверное, пройдет, только вы не презирайте меня, Нина. О, я вырасту и буду храбрым. Только это будет нескоро!

Потом он тихо прибавил:

– Как бы мне хотелось, чтобы вы снова возвратили мне звание пажа. Я постараюсь быть храбрым насколько могу!

Я посмотрела в его глаза. В них были слезы. Тогда, жалея его, я сказала торжественно:

– Князь Юлико! Возвращаю вам звание пажа вашей королевы.

И, дав ему поцеловать мою руку, я с подобающей важностью вышла из комнаты.

* * *

Проходили дни, недели – фамильных бриллиантов бабушки так и не нашли, хотя подняли на ноги всю полицию Гори. Не нашли и Абрека, хотя искали его усердно. Он исчез, как исчезает камень, брошенный в воду.

Таинственные огоньки, мерцавшие по вечерам в Башне смерти и пленявшие меня своей таинственностью, также исчезли.

Глава IX

Пир. Демон. Подслушанная тайна

Наступил июль, пышный и знойный, с ароматом подспевших плодов и частыми ночными грозами, разрезающими воздух, насыщенный электричеством. Приближался день рождения отца, который всегда особенно праздновался у нас в доме. Приехал дедушка Магомет из аула, примчались Бэлла с мужем на своих горных скакунах, и дом огласился веселыми звуками их голосов и смеха. Только двое людей не принимали участия в общем веселье. Бабушка, кото-

рая не могла примириться с мыслью о пропаже драгоценностей, и князек Юлико, захваченный недугом, от которого он таял не по дням, а по часам, приводя этим бабушку в новое волнение.

Наш дом разделился на две половины: печальную – в апартаментах княгини, которая поминутно заходила в комнату Юлико, и беспечную – где слышался веселый смех Бэллы да детски добродушный хохот Израила. Там была тоска и дума, здесь – беззаботное веселье и смех.

Часто к нам присоединялся отец, и тогда нашему веселью не было конца.

– Тише! – иногда останавливал он Бэллу. – Там больной.

– Он выздоровеет, – отвечала она беспечно, – и будет еще джигитовать, вот увидишь!

В день рождения отца мы вскочили спозаранку с Бэллой и украсили наш дом венками из каштановых ветвей и лип вперемешку с белыми и пурпуровыми розами.

– Как хорошо! – прыгали мы и хлопали в ладоши, любуясь своей работой.

Отец, тронутый сюрпризом, расцеловал нас обеих.

К обеду ожидали гостей. Бабушка приказала мне надеть белое кисейное платье и собственноручно пригладила мои черные, в беспорядке разбросанные вдоль спины, косы.

– Разве так не лучше, девочка? – спросила она и подвела меня к зеркалу. Я заметила, что с некоторых пор бабушка относилась много ласковее и добрее ко мне. Я заглянула в зеркало и ахнула.

В белом платье, воздушным облаком окутывающем мои худенькие плечи, руки и стан, с туго заплетенными иссиня-черными косами, я страшно походила на мою покойную маму.

– Красоточка, джаным, хорошенькая! – бросилась ко мне на шею Бэлла, когда я вышла к моим друзьям. Потом она сорвала с куста розу и воткнула мне ее в косы со словами: – Так будет еще краше.

Отец взглянул на меня с грустной улыбкой и сказал:

– Совсем большая выросла! Совсем большая!

– И глупая! Правда, папочка, глупая? – приставала я к нему, тормоша его и хохоча, как безумная.

– Ну и глупая! – улыбнулся он, и сейчас же лицо его стало снова серьезным. – Надо будет эту зиму начать серьезно учиться, Нина. Тебе одиннадцать лет.

Я заявила ему, что я отлично читаю по-русски и по-французски, знаю историю и географию, словом – учительница довольна мною, и мое время еще не ушло.

– Ведь Бэлла не ученая, а как она счастлива, – добавила я серьезно, тоном взрослой.

– Бэлла – дикарка, она выросла в горах и всю жизнь проживет так, – сказал отец и стал подробно объяснять мне разницу между мной и Бэллой.

Но в этот день я была не менее дикая, нежели она, – я и хохотала, и визжала, как безумная, бегая с нею от преследовавшего нас Израила. Я вполне оправдывала название «дели акыз», данное мне горийскими татарчатами.

Отец, куря папиросу, сидел на террасе в ожидании гостей. Вдруг он неожиданно вздрогнул. Послышался шум колес, и к нашему дому подъехал небольшой шарабанчик, в котором сидели две дамы: одна пожилая, другая молоденькая в белом платье – нежное белокурое создание с мечтательными глазами и тоненькой, как стебель, талией. Она легко выпрыгнула из шарабана и, ловко подобрав шлейф своего нарядного шелкового платья, пошла навстречу отцу. Он подал ей руку и поманил меня.

– Вот, баронесса, моя дочь Нина. Прошу любить и жаловать.

Потом он помог пожилой женщине с величественной осанкой выйти из экипажа и тоже представил меня ей:

– Моя дочь Нина.

Я не знала, что делать, и смотрела на них обеих с любопытством маленького зверька.

– Какая прелестная девочка, – проговорила молодая дама в белом и, нагнувшись ко мне, поцеловала меня в щеку.

Губы у нее были мягкие, розовые, и от всей ее фигурки, эфирной и хрупкой, пахло очень нежными и очень приятными духами.

– Будем друзьями! – проговорила она мне и ласково еще раз улыбнулась.

– У-у! Какая красавица! – прошептала Бэлла, когда молодая дама в белом скрылась в доме вместе со своей старой спутницею и отцом. – Лучше нас с тобою, правда, Израил?

Но Израил не согласился с нею. Лучше Бэллы, по его мнению, никого не было на свете. Она погрозила ему пальцем, и снова мы пустились бегать и визжать, забыв о прибывших гостях.

Хотя отец мой много лет состоял на службе русского царя и в нашем доме все было на русскую ногу, но по торжественным семейным праздникам у нас невольно возвращались к старым грузинским обычаям. Неизменный обед с выбором тулунгуши⁴⁸, бочки вина, поставленные под чинарами, шумные тосты, порою сазандары, нанятые на время пира, удалая джигитовка, стрельба из ружей и, наконец, милая родная лезгинка под стон зурны и жалобные струны

⁴⁸ *Тулунгуши* – распорядитель пира.

чиунгури – все это сопровождало каждое семейное торжество. В этот день из полка ожидались товарищи отца с их женами и другие гости. Мне было как-то неловко: по свойственной мне дикости, я не любила общества, и вот почему Бэлле много надо было труда, чтобы уговорить меня выйти к столу, приготовленному на вольном воздухе.

Когда мы вышли к гостям, все уже были в сборе. Бабушка торжественно восседала на почетном месте в конце стола; против нее, на другом конце стола, поместился избранный тулунгуши в лице дедушки Магомета. Справа от бабушки сидела баронесса, а подле нее молодая дама в белом, около которой поместился мой отец. Появление Бэллы и Израила в богатых туземных нарядах, блестящих красками и серебром, произвело легкое смятение между гостями. Их встретили шепотом одобрения. Дедушка Магомет не мог не порадоваться тому приему, который сделали его детям.

– Какая чудесная пара! – слышалось кругом на татарском, русском и грузинском языках.

И Бэлла принимала все эти похвалы как должную дань. Она скоро привыкла к своей новой роли, эта маленькая княгиня!

Анна, Барбале и Родам разносили куски жареной баранины и дичи, а Михако, Андро и Брагим разливали вино по кувшинам и обносили ими гостей, причем Михако не упускал случая подшутить над старым мусульманином, которому вино было запрещено Кораном.

Дедушка Магомет поднял задравный кубок в честь моего отца и стал славить его по старому кавказскому обычаю. Он сравнивал его силу с силой горного орла Дагестана, его смелость – со смелостью ангела-меченосца, его красоту и породу – с красотой горного оленя, царя гор. Когда он кончил, все подняли бокалы в честь моего отца. Мне было дивно хорошо в эту минуту. Я готова была прыгать, и смеяться, и целовать деда Магомета за то, что он так хвалит моего умного, доброго, прекрасного папу!

После каждого блюда, заедаемого по обыкновению лавашами и мчади⁴⁹ или солоноватым вкусным квели, деда поднимался с места и с полной чашей в руке восхвалял того или другого гостя. Вина, как верующий магометанин, он не пил, и каждый раз передавал свой кубок кому-либо из почетнейших гостей. Дошла очередь и до меня.

Дедушка вновь поднялся с полной чашей и произнес торжественно и нежно:

– Много на небе Аллаха восходящих вечерних звезд, но они не сравнятся с золотым солнцем. Много в дагестанских аулах чернооких дочерей, но красота их потускнеет при появлении грузинской девушки. Она придет – и улыбнется восточное небо. Черные звезды – глаза ее. Пышные розы – ее щеки. Темная ночь – кудри ее. Хвала дочери храброго князя! Хвала маленькой княжне Нине Джавахе-оглы-Джамата, моей внучке!

Я сидела как зачарованная. Ко мне относилось это восхваление, точно к настоящей взрослой девушке. Моя радость не имела предела. Если б не гости, я бы запрыгала, завизжала, но я сдержала себя, степенно встала и поблагодарила милого тулунгуши:

Гости, родные и мой милый отец не могли не улыбнуться ласковой улыбкой маленькой девочке, игравшей во взрослую.

---

⁴⁹ *Мчади* – грузинские постные лепешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.